

А.Б. Широкоград

КАК ЖИЛАЯ РУСЬ СТАЛА ПОЛЬСКОЙ ОКРАИНОЙ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Александр Борисович Широкопад
Как Малая Русь стала польской окраиной
Серия «От Руси к империи»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001532

Широкопад, А.Б. Как Малая Русь стала польской окраиной : Вече; Москва; 2012

ISBN 978-5-9533-6574-1

Аннотация

По истории Украины написаны сотни книг. Среди их авторов – монархисты, коммунисты, националисты. Но так никто и не смог толком объяснить, как добрая треть Древнерусского государства стала польской колонией. Куда исчезли князья, бояре и дворяне Малой Руси? Насколько реальна была возможность воссоединения Великой и Малой Руси в XIV или XV веках? Могли ли в Киеве в 2004 году отпраздновать 350 летие соединения украинского народа с турецким народом? Об этом и многом другом рассказано в монографии А. Широкопада «Как Малая Русь стала польской окраиной».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Широкоград

Как Малая Русь стала польской окраиной

Глава 1

Скучная советская версия

Поскольку в составе великого и могучего Советского Союза была Украинская Советская Социалистическая республика, то, естественно, она должна была иметь свою историю. Я опускаю споры историков школы Покровского 1920-х годов и прочая, и прочая... дабы совсем не наводить скуку и уныние на читателя, а сразу перейду к историографии времен «развитого социализма». Возьмем, к примеру, капитальное издание «История Украинской ССР» в десяти (!) томах, над которым трудились аж 30 остепененных ученых мужей. Так, в томе 2 на странице 323 есть глава «Формирование украинской народности».

Мол, жили-были славяне «в составе единого раннефеодального государства – Киевской Руси».

Но вот беда, образование «древнерусской народности» в оном едином государстве «полностью не завершилось, и она еще не превратилась в стойкую этническую общность»¹.

Посему и начала формироваться «украинская народность». «Первый этап охватывает вторую половину XII–XIII в. – период феодальной раздробленности. Для этого времени характерны тенденции, с одной стороны, к политической обособленности отдельных территорий, а с другой – в силу общественного разделения труда – к их объединению и усилению экономических связей между ними. На этом этапе появляются новые экономические, политические и культурные центры, создаются соответствующие предпосылки и условия для формирования трех восточнославянских народностей – русской, украинской и белорусской»².

Согласитесь, понять суть в этом наборе слов сложновато, да, думаю, и не надо. Позже мы узнаем, что все это – сплошная «липа».

«Второй этап формирования украинской народности охватывает время с XIV до середины XVI в., когда, с одной стороны, в значительной степени была преодолена феодальная раздробленность в экономической сфере, а с другой – украинские земли находились в составе Польши, Литвы, Венгрии и Молдавии. Иноземное господство и государственные границы, искусственно разделявшие украинские земли, задерживали развитие экономических связей между ними, а установленный захватчиками тяжелейший феодальный гнет и религиозное угнетение отрицательно сказывалось на развитии культуры украинской народности, ее языка»³.

Получается, что если бы не было иноземного господства, то украинские язык и культура еще больше бы развились и, соответственно, обособились от русских.

Ну и, наконец, «третий этап формирования украинской народности охватывает период со второй половины XVI – приблизительно до середины XVII в. Для этого времени характерно дальнейшее развитие ремесла и торговли, усиление роли городов как экономических центров, расширение товарно-денежных отношений, охватывавших и сельское хозяйство.

¹ История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 323.

² История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 323.

³ Там же.

Все это создало условия для возникновения единого внутреннего, т. е. национального рынка на основной территории Украины»⁴.

Браво! На территориях будущей УССР, а теперь Республики Украина сложился единый внутренний рынок. Причем, самый богатый рынок был в украинском городе Кафе (ныне Феодосии) – там торговали рабами со всей Украины.

Ну а если читатель не устал (если устал, смотри сразу 2-ю главу – веселее), я представлю слово директору Института русского языка в 1962–1982 гг. Федоту Петровичу Филину и представлю его монографию «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк». В этом 650-страничном труде Федот Петрович утверждает, что «исторические обстоятельства сложились так, что в XIII–XIV вв. древнерусская народность разделяется на три близкородственные народности – русскую, украинскую и белорусскую, что повлекло за собой возникновение трех близких языков с их самобытными, оригинальными путями развития»⁵.

Но вот с доказательствами у Филина слабовато. Главное – отсутствие достаточного массива информации, то есть письменных источников, для того, чтобы делать какие-либо обоснованные выводы. Кое-где это признает и сам Филин: «Ничего не сохранилось от письменности обширных Рязанской и Черниговской земель. Рязанская кормчая 1284 г. представляет собой копию с киевского оригинала, переписанную киевскими писцами, поэтому нет никаких оснований искать в ней проявление особенностей речи исконного населения Рязани. Рязанские и черниговские надписи на вещах X – XIII вв. слишком коротки и немногочисленны, чтобы на их основании можно было делать какие-либо лингвистические заключения (то же можно сказать и о подобного рода надписях всех других областей)»⁶.

Тем не менее автор буквально притягивает отдельные фрагменты документов, вырывая их из контекста, дабы доказать наличие трех народностей в XIII–XIV веках.

Ну а если серьезно? Создание мифической истории Украины, а также Украинской ССР было для большевиков вынужденной мерой. Почитайте труды Ленина и резолюции съездов до 1917 года. Где там говорится о создании независимых республик на территории Российской империи? Нигде! Правда, есть дежурное блюдо: «право наций на самоопределение, вплоть до отделения», но это не более чем «соблюдение приличий».

Создавать всяческие республики стало для большевиков вынужденной необходимостью уже в конце 1918 года. Советская республика оказалась в кольце врагов – белых армий, интервенции четырнадцати государств Антанты, попыток Германии, Австро-Венгрии и Турции и параллельно ей националистов всех мастей расколоть Россию на куски. Пан Пилсудский пытался организовать Балтийско-Черноморскую федерацию в составе Польши, Литвы, Смоленской области, современной Украины и Краснодарского края. Маршал Маннергейм заявил: «Я не вложу меча в ножны, пока вся Карелия не станет финской». Ну а кроме Карелии белые финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии.

Кубанское и донское казачество пытались создать незалежные государства. Даже в Сибири так называемые областники пытались отделить Сибирь от России.

Выстоять Советской России против такого множества врагов было невозможно. Единственный выход – лавировать, уступать в мелочах и бить врага по частям. Одним из средств для этого было создание всевозможных республик, как советских так и буржуазных, главное, чтобы эти гособразования находились под контролем большевиков.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград: Наука, 1972. С. 3.

⁶ Там же. С. 89.

Многие республики даже не были национальными, например Крымская, Криворожская, Дальневосточная и т. д. В ряде же случаев из конгломерата земель, которые никогда не были не только в одном государстве, кроме, разумеется, Российской империи, но и не были даже в одном административном районе, создавались национальные республики. Пример – Казахстан. Никогда не было такого государства. Это – конгломерат племен. Грузия – опять же конгломерат племен, говоривших на разных языках. Скажите пожалуйста, какое отношение имели абхазы, аджарцы и осетины к картвелям (собственно грузинам)? То же произошло и с Украиной.

Понятно, что у создававшихся национальных государств может быть только искусственная история. Вот ее-то и начали сочинять советские историки в обмен на ученые звания, кафедры в университетах, большие зарплаты и государственные премии, даренные автомобили и загородные особняки.

Ну а как население СССР относилось к деятельности профессоров-мифотворцев? Да никак, если не считать нескольких десятков, в крайнем случае, сотен националистически настроенных интеллигентов. Я в 1980-х годах не менее четырех раз приезжал в город Северодонецк в командировки. Но о том, что сей город относился не к РСФСР, а к УССР, я узнал в середине 1990-х годов. Клянусь, я ни разу не слышал в Северодонецке украинской речи и видел только одного украинца. Он был чем-то вроде завхоза, и у него в кабинете висел большой портрет Тараса Шевченко. Он очень сердился, когда его фамилию произносили на русский манер – СидорЕнко. «Я СИдоренко», – кричал вин.

Я занимаюсь историей с 5-го класса и был близок к нескольким группам диссидентствующей или околодиссидентствующей публики. Там постоянно ругали советскую власть. Среди любимых тем были репрессии, поражения в Великой Отечественной войне, культ личности, нелады в социалистической экономике и т. д. и т. п. Но ни разу никто и никогда не говорил об истории Украины. Советские мифы были скучны, а главное, неактуальны. Но вот распался Союз, и история Украины стала взрывоопасной...

Глава 2

Веселая украинская версия

Но вот в результате тайного сговора в Беловежской Пуще рухнул Советский Союз и возникла независимая Украина. Но откуда взялось оное название? «Нет, не хотим быть жителями окраин!» – возопили творческие интеллигенты Львова и Киева и начали творить свою историю.

Как нельзя кстати тут подвернулась старая сказка о племени «укров». Сказка была написана графом Тадеушем Чацким (1765–1813) в 1804–1810 гг. Однако его книга «O nazwisku Ukrainy i początku kozaków» была издана уже после смерти графа в Варшаве в 1843 г. Чацкий утверждал, что древние укры, положившие начало украинской народности, были кочевой ордой и пришли на Днепр из заволжских степей в VII веке нашей эры.

Любопытно, что ученик иезуитов, ярый польский националист, воевавший в конце XVIII века против русских, был в 1803 г. назначен Александром I инспектором народного образования Подольской, Волынской, а также Киевской губерний, да и жалованье неплохое получал.

Увы, наивная Екатерина II, ее сын и внук полагали, что, давая всяческие льготы польскому дворянству, о которых и мечтать не могли русские дворяне, давая полякам самые хлебные должности в администрации империи, устраивая браки польских и русских аристократов и т. д., они смогут завоевать расположение панства.

В итоге в воссоединенных Екатериной Великой землях Малой и Белой Руси власть над православным крестьянством была оставлена в руках польских католиков, а образование на 95 % оставалось в руках панов, ненавидевших Россию.

Лозунгом «служилого» панства в конце XVIII–XIX веках было: «Не нам, так не вам». То есть если уж Белая и Малая Русь – перестали быть окраиной Речи Посполитой, то надо сделать так, чтобы они вышли из состава Российской империи. Наиболее четко это было изложено польским историком Валерианом Калинкой: «Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности». В этом же духе была составлена и программа Людвиг Мерославского накануне польского восстания 1863 г.

Однако (в XIX веке и начале XX века) дюжина националистических украинских историков, как Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш и других, брезговали пользоваться польской фальшивкой и не рисковали вводить термин «укры» в свои труды. Понятно, что никаких ссылок на исторические документы у Чацкого не было, то есть все было высосано из графского пальца.

Востребованными «укры» оказались лишь в 1991 г. И понеслось... Оказывается, еще Гомер писал об украинцах (украх), однако в силу своей необразованности именовал их киммерийцами.

«Украинский язык – один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих». Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. От Геродота до Фотия // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык –

допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. Украинцы // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Планинда С. Словарь древнеукраинской мифологии. Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык “сансар”, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. Феномен Украины // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

А как звали древних украинцев? Некоторые академики так и оставляют это название, кто-то заменяет его на «протоукраинцы».

Любопытны изыскания доктора политических наук, проректора по информационно-аналитической работе университета «Украина» Валерия Бебика, изложенные в статье «Украина и Египет»⁷. Цитаты умышленно даю без перевода, чтобы и колорит сохранить, и избежать обвинений в вульгарности перевода:

«Наявність на території України найдавнішого на планеті релігійно-наукового комплексу Шу-Нун / Кам'яна Могила (XII – III тис. до н. е.) та найдавнішої держави Аратти (V – III тис. до н. е.) свідчить про те, що українська цивілізація є однією з найдавніших у світі.

Археологами доведено, що в ці ж часи уродженці України о(а)рійці вирушають у похід на Грецію та Малу Азію (Доріда), Єгипет, Сирію і Палестину, потрапивши в історичні хроніки (у тому числі і Біблію) під назвою “морських народів”...

Назва головного єгипетського храму Хет-ка-Пта виглядає “дуже вже українською” (точніше – пеласгійсько-лелегською): “Хат-ка-Птаха”, чи не так?..

Тому і думка І. Кузич-Березовського, що єгипетська державність і колонізація Палестини були здійснені під впливом цивілізацій кушанів і шумерів, котрі споріднені з українською цивілізацією, виглядає обгрунтованою. Він стверджує, що кушани були трипільцями: високі, світлоокі, русяві, ходили у вишиванках та “гуцульських” шапках, говорили праукраїнською мовою і будували церкви, які звалися “ступами”...

Фараони всіляко підтримували релігійність пересічних єгиптян з метою зміцнення своєї влади. Починаючи з фараонів V династії (середина III тис. до н. е.), вони включили до своєї титулатури частку “син Ра”. – А, може, “син (О)Ра”, який водночас вважається прабадьком українців?..

З єгипетським богом Сонця начебто розібралися. Нагадаємо лише, що солярний культ простежується в протошумерській (праукраїнській) міфології VIII–VII тис. до н. е., котра суттєво вплинула на релігійно-міфологічну систему Стародавнього Єгипту...

Загалом велична Єгипетська цивілізація протягом своєї історії формувалася під впливом кількох праукраїнських цивілізаційних хвиль».

Итак, с Древним Египтом все ясно. А как с другими древними народами – шумерами? Тут разъяснение дает доцент Львовского университета И. Лось: «Мы вспомнили, чьих отцов дети. Из глубины веков нас окликнули те наши предки, которые донесли благодатную культуру Триполья (то есть горшки) аж до Междуречья, где и возникла могучая цивилизация Шумерского царства; те прапрадеды, которые под именем “арии” осели в северо-западной Индии, а их предводитель под именем Рама впервые в деяниях человечества утверждал гуманность»⁸.

Академик, профессор, доктор филологических наук П. Кононенко, в своем учебнике «Українознавство» отождествляет князя Кия с Атиллой и пишет, что «самі протоукраїнці творили життя у згоді зі своїм зовнішнім і внутрішнім світом. А той світ був глибоким, як

⁷ Материалы сайта <http://www.umoloda.kiev.ua/number/986/274/35810/>

⁸ Сокуров С. Мираж Четвертого Рима. Материалы сайта <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12440>

сама історія, представники якої ще в давнину вважали скіфів-українців найпершим народом у світовій генеалогії».

Автор «Словаря древнеукраинской мифологии» С. Плачинда относит «протоукраинцев» еще дальше в глубь веков, например: «БАБА – одне з найстародавніших і найбільших божеств у прото-українців (кам'яний вік) та давніх українців (палеоліт, неоліт, енеоліт, бронзовий вік)».

О. Чайченко в изданной Военным издательством Украины в 2003 г. книге «Укры-арии» утверждает, что уккры относились к пеласго-этрасским племенам, а протоуккры были создателями «Ригведы»⁹.

Тот же С. Плачинда ссылается на античные авторитеты (Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Диона Кассия, Страбона, «других античных несторов-летописцев» и, конечно же, на «великих громадян Росії» Классена и Черткова): «Это они рассказали о великой украинской наддержаве Венедии, что предшествовала Римской империи, о Трое, которую основали троянцы, то есть киевляне; об уках на Эльбе и на берегу Дуная; о том, как пелазги (прото-греческие племена) еще в 1570 г. до н. э. называли хлеб паляницами... это они расшифровывали украинские слова на могиле античного героя и царя Энея и доказали по материалам хроник, что Гомер не кто иной, как наш Боян». «Почему на протяжении почти двух тысячелетий так крепко держалась очень расчлененная, раскиданная повсюду, но могущественная праукраинская держава, что дала жизнь другим народам и государствам? И на чем держалась Венедия, когда в ее состав входило бесчисленное количество самостоятельных родов-племен, а именно: пелазги, лелеги, галичане, доляне, бодричи, попели, македонцы, горцы, уккры, украины, этруски, обричи, троянцы и другие?» – вопрошает Плачинда и сразу дает ответ: «Древняя Украинская наддержава держалась на трех “китах”: вече, волхвы и язычество (обожествление природы)... И понятно, почему 988 год стал началом упадка и краха украинской государственности, которую погубила автократия»¹⁰.

Именно украинцы создали первую в мире буквенную азбуку, изобрели колесо и даже построили знаменитый ковчег. Небось не знаете, кто бы старик Ной по национальности?

«Владимир Пилат, верховный учитель и президент Международной федерации боевого гопака, придерживаясь схожих идей, отмечал в одной из своих книг, что Северное Причерноморье явилось отправной точкой для всей мировой истории.

Анализируя происхождение слова “гопак”, Пилат делает следующий вывод: “Мифологическая сущность корня-слога „го“ скрывает в себе огромный пласт информации, которая подтверждает мысль, что именно Украина была колыбелью человеческой цивилизации”.

По Пилату, название города Иерусалим означает “Е-рус-алим”, то есть поселение племени руссов, Назарет – город на заре, а Галилея – это город, где проживали галлы, предки галичан.

Говоря о корнях боевого гопака и о цивилизации древних укров, Пилат отмечает: “Боевая культура вавилонян была взята у шумеров и их надднепрянских предков”»¹¹.

Единственное в мире упоминание о племени укров содержится в трехтомном труде X века «Деяния саксов» Видукинда Корвейского. В 42-й главе третьей книги есть такая запись: «В тот год Геро одержал славную победу над славянами, которые называются уккры. В помощь ему король послал герцога Конрада. Добыча была взята оттуда огромная; в Саксонии поднялось великое ликование».

⁹ Материалы сайта <http://antisys.wikispaces.com>

¹⁰ Сокуров С. Мираж Четвертого Рима.

¹¹ Материалы сайте: <http://ogin.mybb3.net/viewtopic.php?t=194>

Говоря «в тот год», Видукинд Корвейский имеет в виду 954 год, под «украями» же подразумевает полабских славян. А при чем тут население Приднестровья? Мало того, большинство европейских историков считают 42-ю главу позднейшей интерполяцией.

Незалежные оппоненты могут мне возразить: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Святая правда! В РФ изданы десятки книг с фантастическими версиями происхождения русского народа, но это все – частные лица, и их печатают небольшими тиражами частные издательства.

Я же цитировал официальные высказывания академиков и профессоров, преподающих в государственных ВУЗах Республики Украина. Их опусы печатаются огромными тиражами и зачастую за казенный счет. Сказочки об «украях» попадают в школьные и вузовские учебники, а изображения их – на почтовые марки, выпускаемые государством.

Вот 26 апреля 2006 года в Киеве открылась научная студенческая конференция «Молодежь и государственный язык». Ее участников убеждали, что-де Москву основали татары, а в IX веке уже существовал украинский город Севастополь!

Наиболее хитрые незалежные историки, понимая анекдотичность теорий существования народа укров, вынуждены были запутывать историю. Так, в ход пошли утверждения:

«Укры – это специфическая группа людей, древняя каста, интеллектуальная верхушка древнего общества, носители высоких духовных знаний. Это одаренные от Бога люди, люди древних духовных Знаний, люди с чрезвычайно развитой собственной энергетикой (биоэнергетикой), которые способны влиять на окружающих людей и мир. Это носители очень древнего духовного мировоззрения которое они распространяли тысячелетиями на огромных просторах Евразии!

В разные эпохи, в разных местах, в Персии, Вавилонии, Шумере, Египте, Римской империи, у древних славян, их величали по-разному: мудрецами, пророками, Сыновьями Божьими, отцами, старейшинами, пророками, волхвами (волхвами-украями).

Именно волхвы, духовные учителя (укр и укры (народ) – “сильный духовным разумом”), и есть те загадочные укры, люди с чрезвычайно древней и чрезвычайно духовной (арийской) историей. Именно волхвы-укры создали мощный очаг славянообразования на землях древней Волыни, положив начало процессу духовного роста (просветления) местных народов, и дали своим ученикам имя – росы (просветленные), а также славяне (приподнятые духовно Матерью Славой), и дулибы (прямо идущие духовной дорогой).

История волхвов-укров есть одновременно и величественной и трагической. С периода своего появления в Европе в VI в. до н. э. и к началу активной войны идеологических противников против созданной ими просветительской системы волхвы-укры осуществили гигантскую объединительную работу и построили славянообразующий центр на Волынских землях – общеславянское государство Дулибию Рось»¹².

Ну а есть ли на Украине историки, придерживающиеся иной точки зрения? Есть, безусловно, но их не допускают на кафедры университетов. А над некоторыми, как, например над Олесем Бузиной, устраивают физические расправы. Поэтому многие остепененные историки Украины, особенно ее юго-восточной части, в своих школьных и вузовских учебниках помалкивают об украх и о происхождении населения Приднестровья. Но даже у них украинский народ был всегда в пределах нынешних границ, а термин «Украина» был еще до Рождества Христова.

¹² Материалы сайта http://prioratos.blogspot.com/2011/03/blog-post_31.html

Вот, к примеру, труд весьма умеренного историка В.К. Губарева, изданный в Донецке в 2004 г.: «В VII в. до н. э. на смену киммерийцам в украинские степи с востока приходит другой воинственный народ – скифы»¹³.

Представьте себе французский или итальянский учебник истории, где было бы написано: «В I в. до н. э. итальянская армия под командованием Юлия Цезаря вторглась в Южную Францию». Тут хохотала бы вся Западная Европа.

Но профессора-незалежники твердо заучили формулу «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой». В результате несмотря на всю анекдотичность басен о самом древнем народе на земле, все большее и большее число школьников и студентов начинают в это верить.

¹³ Губарев В.К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004. С. 10.

Глава 3

Сколько же лет граду Киеву?

«Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и называли его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньше в Киеве» – так об основании Киева сказано в «Повести временных лет» в переводе Д.С. Лихачева.

Ну а в «Хронике» польского историка XV века Яна Длугоша говорится, что Аскольд и Дир – потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V век, а еще хуже – именуется Кия... польским князем¹⁴, потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха – Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам память народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом. Итак, по Длугошу, поляк Рус, потомок Леха, возглавил Русское государство.

Увы, версия об основателе Кие никогда всерьез не воспринималась историками. Даже ультранационалист М.С. Грушевский писал: «Из этих рассказов видно только, что о начале киевских князей ничего верного тогда в Киеве не знали, так как имя Кия и его рода произведены от имени киевских поселений; так обыкновенно рассказывают о начале какого-нибудь поселения, когда не знают его начала. Харьков – ну, значит, его основал Харько, Чернигов – основал его какой-то Чернига и т. п. Это обычное явление не только у нас, а и везде»¹⁵.

Но вот в 1979 г. некий киевский «совковый вельможа» Валентин Згурский решил сказку о Кие сделать былью и заодно «состарить» Киев лет эдак на 500. Для реализации этой идеи необходимо было разрешение Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР, а получить его было довольно сложно, поскольку в Политбюро требовали все новых и новых подтверждений древности города. В 1980–1981 гг. в Москву то и дело наведывались то вице-мэр Киева Галина Менжерес, то председатель Общества охраны памятников истории и культуры УССР академик Петр Тронько. Они предоставили сотни «исторических» справок и документов, доказывающих, что к концу V века Киев действительно был уже городом. Как составлялись оные справки, нетрудно догадаться.

Окончательно вопрос решился, лишь когда первый секретарь ЦК компартии Украины В.В. Щербицкий лично обратился к генсеку Л.И. Брежневу. После этого Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР издали совместное постановление о праздновании 1500-летия Киева.

Празднование юбилея назначили на 28–30 мая. Эту дату выбирали, исходя из практических соображений: тепло, солнечно, цветут каштаны, и при этом еще не начался период отпусков.

Вот как решались проблемы истории в брежневские времена – простенько и со вкусом.

¹⁴ «Киев, основанный одним из польских языческих князей Кием, и получил название от этого имени». (Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 224.)

¹⁵ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: «Сварог и К», 2001. С. 42.

К юбилею учредили и медаль «В память 1500-річчя Києва». Первое вручение этой медали было произведено 26 мая 1982 г., когда член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий вручил ее Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу «за огромный вклад в социально-культурное и экономическое развитие столицы Украины города-героя Киева». На 1 января 1995 г. юбилейной медалью «В память 1500-летия Киева» было награждено 780 180 человек.

Ну, медаль медалью, а лики основателей города треба побачить киевлянам. И вот скульптор Василий Бородай подарил по макету своей скульптуры – лады с основателями города – Брежневу и Щербицкому. Лады понравилась обоим. Были даны соответствующие указания, и вот 22 мая 1982 г. состоялось торжественное открытие памятника в киевском парке у моста Патона.

Компания из трех братьев и их сестры Лыбеди стала темой множества анекдотов. Наиболее распространенные названия лады – «ковчег Ноя», «корыто», «лодка с пиратами» и «Титаник».

Ну а был ли мальчик, то бишь Кий? Начну с того, что слово «кий» в древнерусском языке означало «палка», «боевая палица». Отсюда и появился бильярдный кий. Ни в одном языке мира нет имени Кий, зато есть несколько славянских городов с близкими названиями: Киево (Польша), Кийова (Словакия), Киёво (Сербия). Не исключено, что названия всех городов произошли от польского слова «куява» – песчаный холм.

Большинство русских городов – Москва, Смоленск, Ярославль и др. – исчисляют свой возраст от первого упоминания в достоверном источнике – летописи, хронике и т. д. Если же основываться на находках каких-то стоянок первобытного человека, селищах и т. д., то возраст русских, да и иностранных городов, можно увеличить в 2, 3, а то и в 10 раз.

Так, археолог В.В. Хвойка раскопал поселения позднего палеолита, известного под названием Кирилловской стоянки на Кирилловской улице (в советское время ул. Фрунзе) на Подоле. «На стоянке, в частности, были обнаружены остатки целого ряда небольших наземных жилищ в виде округлых и овальных в плане скоплений крупных костей животных, входивших в их конструкцию. Жилища эти в свое время имели вид конических шалашевидных построек, близких к чумам – жилищам народов Крайнего Севера в недавнем прошлом. Они были сооружены из деревянных жердей и покрыты шкурами животных. Снаружи для прочности и утепления стены жилищ были обставлены крупными костями животных, в частности, черепами мамонта, и частично присыпаны землей. На месте таких разрушенных жилищ в культурном слое сохранились скопления этих костей, обнаруженные при раскопках стоянки.

Кирилловская стоянка, представленная нижним культурным слоем, была родовым поселением охотников на мамонтов и других древних животных, большие стада которых встречались в то время на территории Среднего Приднепровья, в том числе и на территории Киева»¹⁶.

Если возраст Киева определять по этим стоянкам, то можно насчитать десятки тысяч лет.

Дело в том, что место, на котором сейчас стоит Киев, весьма удобно по ряду стратегических соображений. Так, оно расположено немного ниже впадения в Днепр его главных притоков Десны и Припяти. А по реке Десне проходит один из вариантов «пути из варяг в греки». Поднявшись по притоку Десны, а затем по Болтве, русы перетаскивали свои суда в реку Жиздру, приток Оки. Ну а приток Днепра Ворскла был соединен с Северским Донцом, притоком Дона.

¹⁶ История Киева / Под ред. В.А. Голубицкого. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. Т. I. С. 13–14.

Ну а поднявшись по Припяти, затем по ее притоку Пине, можно было волоком (а в XIX веке там был сооружен Днепро-Бугский канал) попасть на реку Буг, а далее на Вислу и на Балтику. Наконец, киевский холм был крайне удобен для строительства там фортификационных сооружений. Крутые берега на 80 и более метров возвышались над Днепром.

Так что несложно понять мотивы людей, периодически основывавших поселения на месте Киева. Другой вопрос, что никто пока не сумел доказать, что эти поселения существовали непрерывно, а это – главный критерий древности города, признанный учеными всего мира. И опять же никто доподлинно не доказал, кто основал эти поселения и кто в них жил до IX века.

Археолог М.Ю. Брайчевский сообщает о находке в ходе раскопок 1947–1950 гг. на Замковой горе в Киеве медной римской монеты времен республики – асса, чеканенного в 200 г. до н. э. консулом Спурием Афранием¹⁷.

Кроме того, в разных частях Киева были найдены еще пять кладов римских монет III–IV веков. Так, в районе Оболонской улицы был найден клад, состоявший из римских и малоазиатских монет III–IV веков. Этот клад интересен тем, что указывает на взаимоотношения восточных славян не только с населением римских центров Северного Причерноморья и Подунавья, но и Малой Азии. Клад римских монет I–II веков н. э., который насчитывал свыше 350 монет, был найден на Кирилловской улице.

Большой клад римских монет был выкопан на Львовской площади. Здесь во время закладки фундамента при постройке бани рабочие нашли металлическую посудину, похожую на ведро (римскую сутилу), в которой было обнаружено около четырех тысяч римских монет. Находки римских монет встречались также на улице Толстого, вблизи Выдубецкого монастыря, на Печерске, около Мариинского дворца и в других местах.

Ну о чем это говорит? Да ни о чем! На этих местах могли быть временные стоянки купцов, обронивших или закопавших современные им монеты. Может, места стоянок могли быть казной вождей каких-то племен. Наконец, это могло быть розыгрышем археологов. Очень часто археологи подбрасывают в раскопки древние монеты, найденные совсем в иных местах. Цель – посмеяться над простаками или устроить «мировую сенсацию».

Каждый может в Интернете поинтересоваться, сколько римских и финикийских монет и даже финикийских текстов, вырубленных на камне, найдено в Новом Свете. Часть находок уже разоблачена учеными, о других историки спорят, но никому пока в голову не приходило менять дату открытия Америки.

Так что римские монеты, найденные на территории Киева, в самом лучшем случае доказывают факт прохождения торговых караванов по Днепру в первые века Новой эры.

Любопытные факты приводит археолог С.И. Климовский: «В 1876 г. при земляных работах в усадьбе купца Мара, расположенной под горой [Юрковицей], раскапывая ее склон, “нашли большую полость, наполненную огромным количеством костей – мужских, женских и детских... всего до 4000 черепов”. В 1863 г. здесь же обнаружили клад из 194 серебряных арабских монет. В 1845 г. клад медных арабских монет был найден возле Кирилловского монастыря. Из всего этого Антонович сделал вывод, что Юрковица и прилегающий район в VIII–IX вв. представляли собой многолюдный и торговый центр города, а саму гору отождествил с Хоревницей. Позднее его горячо поддержал Петров. Но вывод был сделан без раскопок самой Юрковицы и оказался ошибочным.

К тому же Антонович неправильно датировал оба клада. Клад 1863 г. был сокрыт не в VIII в., а не раньше середины X в., а клад, найденный возле Кирилловского монастыря,

¹⁷ Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев? Киев, 1964. С. 36–37.

вообще уникален и точной датировке не поддается, поскольку содержал не только арабские монеты X в., но и монеты Золотой орды, чеканенные в 1253–1254 гг.»¹⁸.

Как видим, с датировкой монет как у дореволюционных, так и у современных ученых большие проблемы. А захоронение в полости из четырех тысяч черепов до сих пор так и не идентифицировано.

Боюсь, что дело тут не столько в нерадивости ученых, сколько в нежелании их, а главное, их начальства, делать какие-либо сенсационные открытия, которые могут разрушить столь любимые профессорами и президентами мифы.

«Византийских монет, являющихся памятником торговых связей восточных славян с Византией, на территории древней Руси встречается меньше, чем арабских. Это объясняется тем, что Русь вывозила в Византию примерно столько же товаров, сколько ввозила»¹⁹.

Сей вывод, на мой взгляд, более чем странен. Традиционно считается, что число найденных монет пропорционально объему торговли с регионом, откуда поступали эти деньги. Получается, что в VIII–IX веках торговые связи населения Киева были налажены в основном с Востоком.

Ряд зарубежных историков, в том числе Омелян Прицак, указывают, что на основе анализа древнерусских источников и трудов арабского литератора, историка и географа X века ал-Масуди Киев, как город и поляне с левого берега Днепра, как клан Кия, связаны с хазарами, а имя Кий (Киуа) является хорезмийским, относящимся к восточноиранским языкам. Носитель этого имени, согласно этим источникам, был хазарским вазиром (военачальником)²⁰.

Возникновение Киева относится ими к началу VIII века, когда эти места были подвластны хазарам, а населяли их тюркские, иранские и славянские племена. Указывается, что русы начали проникать в хазарский Киев лишь в 910-х годах.

Любопытно, что в середине X века византийский император Константин VII Багрянородный называл Киев «Самбатас». Как видим, это хазарское название, а не славянское.

Версия основания Киева хазарами была крайне неприятна как русским императорам, так и советским генсекам.

«Так, в 1951 г., в разгар борьбы с космополитизмом, в “Правде” появилась статья некоего П.И. Иванова “Об одной ошибочной концепции”. Статья осуждала публикации результатов исследований по истории давно исчезнувших хазар и явилась прологом крестового похода против ученых, преувеличивавших значение хазар в русской истории и принижавших роль русского народа в мировой истории. Выступление “Правды” вызвало замешательство в среде ученых и надолго задержало публикации объективных научных трудов о хазарах.

В 1952 году, вслед за статьей в “Правде” вышла работа будущего академика Б.А. Рыбакова “Русь и Хазария”, изображающая Хазарию маленьким полукочевым паразитическим государством, существовавшим за счет взимания пошлин с купцов, следовавших через хазарские города. Труд этот на долгие годы предопределил отношение ученых к проблеме Хазарии. А позднее, в 1953 г., Н.Я. Мерперт в статье “Против извращения хазарской проблемы” (в сборнике “Против вульгаризации марксизма в археологии”) сформулировал “правильный” взгляд на историю хазар...

В хазарские времена в Киеве существовала большая еврейская община, которая имела обширные связи с единоверцами разных стран и славилась своей ученостью. Первый документ, в котором встречается упоминание о Киеве, был написан евреями города, в котором сидел хазарский наместник. Это письмо членов общины, найденное в генизе (храни-

¹⁸ Климовский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев: Стилов, 2005. С. 21.

¹⁹ История Киева. / Под ред. В.А. Голубицкого. Т. I. С. 40.

²⁰ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим: Гешарим, 2003. С. 75.

лице для неиспользуемых книг и рукописей, в которых упоминается Бог) древней синагоги города Фустат-Миср, столицы средневекового Египта. Письмо в 1896 г. нашел учёный и путешественник Соломон Шехтер и передал его в библиотеку Кембриджского университета в составе коллекции подобных манускриптов, где оно пролежало до нынешних времён. Это письмо является автографом, подлинным документом, а не позднейшей копией и явно написано хазарскими евреями, проживавшими в Киеве в первой половине X в. Документ составлен на прекрасном литературном иврите, в нем упоминается этот город, он подписан евреями, носящими как хазарские, так и еврейские имена, и имеет приписку должностного лица города на хазарском языке, написанную тюркскими рунами, означающую «Я прочел (это)», что свидетельствовало о достоверности документа при использовании в путешествии. В Кембриджской университетской библиотеке письмо было обнаружено в 1962 г. Н. Голбом, исследовано им и опубликовано в 1982 г. в Лондоне. Письмо убедительно опровергает распространенное среди некоторых советских ученых мнение, что известные источники об иудаизации хазар являются подделками»²¹.

О том, что в Киеве жили хазары, свидетельствуют и топонимические термины: «козары», «хазарские ворота», «жидове», «жидовские ворота», упоминаемые в русских летописях 1146 и 1151 годов. Ряд русских летописей говорят и о дани, которую платило хазарам население Приднепровья.

Итак, какие же выводы делает автор? Ну, во-первых, основание Киева в 482 г. от Рождества Христова – бредовая выдумка киевских партаппаратчиков. В I–VIII веках люди периодически селились на киевских горах, но никакого непрерывно функционирующего города не было. Ну а Кий – или миф, или какой-то хазарский князек VIII – первой половины IX века. Ну и, наконец, красная, а затем оранжевая профессура сделала все, чтобы запутать до предела историю возникновения Киева, исходя из корыстных интересов власть имущих.

²¹ Виноградов Г. История иудейской Хазарии. Материалы сайта: <http://belgorod-dnistrovskiy.ru/istoriya-iudejskoj-xazarii/>

Глава 4

Пришествие варягов

В лето 6370²² от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»²³.

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

²² 862 год от Рождества Христова.

²³ Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный и опасный путь. Сколько норманнских драккаров ежегодно гибло в омывавших Европу морях.

Замечу, что даже в XIX веке штормы в Северном море и Бискайском заливе наводили ужас на торговых и даже военных моряков. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισευατο», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б.А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Герпрауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов.

Рюрик родился в 800 г. Его отцом был Людбрант Бьерк – мелкий датский конунг из рода Скъелдунгов. В 782 г., то есть еще до рождения Рюрика, Людбрант был изгнан из Ютландии и поступил на службу к королю франков Карлу Великому. Король пожаловал Людбранту ленное владение во Фрисланде (на побережье Северного моря). В царствование сына Карла Великого Людовика Благочестивого Рюрик и его старший брат Харальд приняли крещение. После этого Людовик даровал братьям в ленное владение область Рустриген во Фрисланде. Вскоре Харальд умирает, и Рюрик становится единственным владельцем лена.

Однако в 843 г. новый император Лотарь отобрал фрисландский лен у Рюрика. Рюрик, естественно, обиделся, вернулся в язычество и занялся пиратством.

В 845 г. его дружина грабила берега Эльбы, а в следующем году Рюрик совершил набег на Францию. В 850 г. он погулял по восточному побережью Англии.

В 862 г. Рюрик исчезает из западных Хроник. Лишь в 870 г. он вновь появляется на Западе. К этому времени император Лотарь был уже мертв. В 870–873 гг. Рюрик ведет переговоры с королем франков Карлом Лысым и германским королем Людовиком.

Ряд западных и польских историков полагают, что Рюрик умер в Западной Европе между 874 и 876 гг.

Любопытно, что все русские летописи молчат о кончине Рюрика и его деятельности после 870 года. Лишь в «Повести временных лет» говорится: «В год 6387 (879). Умер Рюрик

и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»²⁴.

Зато современные авторы выдвигают самые различные предположения о последних годах жизни Рюрика. Он-де вернулся в 874 г. в Новгород и умер там в 879 году. По другой версии он умер в городе Корела, и вообще Рюрик – уроженец Карелии. Увы, никаких достоверных подтверждений этих и других версий их авторами не приводится.

Так что наиболее вероятно, что конунг Рюрик с дружиной действительно прибыл на Русь в 862 г., а спустя 8 лет поехал возвращать свои ленные земли во Фрисланд, где и скончался.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии русского летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (*sine hus* – свой род) и «трувор» (*thru varing* – верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Трувора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 году.

Теперь остается последний вопрос, а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 году огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»²⁵. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков²⁶. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «*routsi*», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, адвигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

В IX – X веках знаменитый «путь из варяг в греки» стал государствообразующим для России. Сразу оговорюсь: этот «Путь» надо понимать не в узком смысле, как нас учили в школе: Финский залив – Нева – Ладога – Волхов – Ильмень-озеро – Ловать – волоки – Днепр – Черное море. Это лишь один из вариантов пути, по которому, по моей оценке, в IX – XI веках не проходило и десятой доли товарооборота Древней Руси. На самом деле русы освоили несколько десятков речных и озерных путей, которые можно с некоторой натяжкой включить в «путь из варяг в греки».

Начну с того, что перейти с Балтики на Днепр, скажем, в районе Смоленска, можно еще как минимум тремя путями. Первый путь из Финского залива через реку Нарову в Чудское, а затем в Псковское озеро, после вверх по реке Великой и ее притокам, затем волок и – в Днепр.

Второй путь (для удобства читателя я опишу его в обратном направлении) ведет из Чудского озера в Балтийское море. Поднимаясь вверх по реке Эмба до озера Вьртсьярва,

²⁴ Повесть временных лет // Изборник...

²⁵ Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

²⁶ Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века – это шведы».

ладьи затем входили в устье реки Тянассилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Третий путь из Балтики на Днепр наиболее простой – вверх от нынешней Риги по Западной Двине до нынешнего городка Сураж на границе Беларуси и РФ, а оттуда вверх по притоку Северной Двины реке Каспле до озера Каспля. А от озера вверх до впадения в него речек Клец и Лелеква. Обратим внимание, рядом деревня Волоковая. Далее – волок 6–7 км по болотам и озеро Курино, из которого вытекает речка Катынь – правый приток Днепра.

Стоит сказать, что название поселка Катынь на одноименной реке произошло не от слова «кат» – палач, то есть место, где жили палачи, как выдумали господин Збигнев Бжезинский и другие наши заклятые друзья поляки, а от слова «катить». Именно там перекачивали на бревнах ладьи.

Рассматривая систему волоков, невольно приходишь к выводу, что центром пересечения речных путей на Руси и, соответственно, ключевым пунктом «пути из варяг в греки» был не Новгород, не Ладога²⁷ и уж подавно не Киев, а древний Смоленск.

По этому поводу профессор П.В. Голубовский писал: «От озера Селигера, в направлении с северо-запада на юго-восток, Смоленскую землю окаймляла р. Волга. Впрочем, озеро Селигер лежало уже вне Смоленского княжества, зато озера Пено и Волго принадлежали ему, по всей вероятности, целиком. Из ея левых притоков для нас интересна река Медведица. Еще важнее Вазуза с притоком Гжатью, Лама и Ока, приносящая свои воды в Волгу с правой стороны. В реку Оку текут с левой стороны Угра, Протва, Москва. Последняя своими верховьями и притоком Колочей, как и Протва, речками Берегой и Рудью, сближаются с системой реки Вазузы. Тут посредствующими звеньями является множество мелких речек, из которых мы отметим Оболюнь. Сюда же своими верховьями подходит река Воря, вливающаяся в Угру с левой стороны. Верховья левых притоков Вазузы приводят к системе реки Днепра. Не труден был переход целым рядом речек и самых ничтожных волоков и волочков в реку Вязму и Десну, или в реку Обшу, которая уже вела на запад в систему двинскую. Последняя через Обшу в свою очередь соединяется природой с системой днепровской, именно с верховьями самого Днепра, которые отделяются от Обши и других речек двинской системы лишь узким гребнем.

Течение Днепра в верхней его части довольно извилисто. Общее направление его – к юго-западу продолжается приблизительно до города Орши, откуда он круто поворачивает на юг. Из притоков его с правой стороны останавливают на себе наше внимание: Вержа Большая, Воць, в которую впадает Вотря с Вотрицей (Ветрицей); множество небольших речек с озерами большей или меньшей величины сближают правый берег Днепра с левыми притоками Западной Двины. Почти у самых верховьев Днепра в него впадает небольшая речка Солодовня, интересная лишь в том отношении, что на ней, по предположению, стоял один из городов Смоленского княжества. Далее идут: Вязма, Сожь и Десна. Последняя, впрочем, принадлежала Смоленской земле лишь своими верховьями, точно так же, как и ея левый приток, Болва. Зато Сожь почти до самого своего устья протекала по Смоленскому княжеству. Из его притоков следует упомянуть: Осетр с левой стороны, а с правой Вехру и Проню с Басей.

К верховьям Волги подходит начало реки Западной Двины. Я уже говорил, что с бассейном волжским последняя сближается чрез Обшу, левый приток Межи, впадающей в Западную Двину с левой же стороны. Затем обращает на себя внимание Касиля, очень близко

²⁷ Здесь и далее я буду Старую Ладогу называть Ладогой, как она и называлась до Петра Великого, основавшего Новую Ладогу.

подходящая своим истоком к системе Днепра. С правой стороны Западная Двина принимает р. Торопу и р. Жижцу, вытекающую из озера Жижца; тут же невдалеке лежит озеро Двино, соединяющееся с Западной Двиной. Смоленской же земле принадлежала р. Кунья, правый приток Ловати, но ее устье находилось уже в области Великого Новгорода»²⁸.

Элементом «пути из варяг в греки» можно считать и волоки, соединявшие притоки Днепра с Окой и Доном. Поднявшись по притоку Днепра Десне, а затем по Болтве, русы перетаскивали свои суда в реку Жиздру, приток Оки. Ну а приток Днепра Ворскла был соединен с Северным Донцом, притоком Дона.

И, наконец, Волга и Дон в районе городка Переволочны, там, где в конце 40-х годов XX века был построен канал Волго-Дон, были соединены волоками.

Не следует забывать, что в VIII–XII веках реки в Центральной России были куда более полноводными, чем сейчас. Да и в начале XX века по Днепру пассажирские и грузовые пароходы ходили вверх от Смоленска до Дорогобужа, а сейчас Днепр у Смоленска можно перейти вброд.

На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точек зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII–VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства, или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского морей. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по «пути из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датируемых одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город *Aldeigja* (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержащих 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современно Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу – через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

²⁸ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 3–4.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800 – 1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории Угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево, недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угро-финнам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 годом. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского (рядом с Ярославлем) и в других районах верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на «Пути из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX века, а с начала X века жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX века там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX – X веков²⁹. В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X – начале XI века город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города – довольно типичное событие для Средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Как же называлось в IX – X веках Гнездовское городище? Историки на этот счет молчат. Я же решил предположить, что Смоленском. Дело в том, что арабские географы IX – X веков знали город Измилинка (Измилинка) на Днепре. Если в это время не было нынешнего Смоленска, то это значит, что арабы так называли Гнездовское городище.

Возможно, я немного утомил читателя рассказом о водных путях и варяжско-славянских городищах. Но ведь именно в этих городищах и возник новый народ русов. А «путь из варяг в греки» стал государствообразующим путем. Речные пути и волоки были единственным звеном, связывавшим славянские земли.

И вот пришел смелый и удачливый конунг Рюрик, и ему подчинились русы на севере славянской земли, а спустя 20 лет его воеводе Олегу подчинились и южные города Руси.

А кто же тогда киевские князья Аскольд и Дир? Согласно русской летописи, Аскольд и Дир – вроде бы бывшие воеводы Рюрика и объявляются в Киеве в середине IX века. При этом наши летописцы не знают, каким маршрутом прибыл Аскольд.

18 июня 860 г. Аскольд привел русскую дружину («россов», как писали византийцы) под Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византий-

²⁹ Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного, М.: Наука, 1975. С. 244.

ский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ, ...посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»³⁰.

Взять Константинополь тогда россам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода россов. По одной из них, к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии, разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии, византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей»³¹ и тех победив...»

Июньским днем 882 г. к Киеву с севера подошел караван ладей с купцами-русами. Они причалили к берегу, и начался торг. Князь Аскольд (а по летописи, естественно, Аскольд и Дир) с небольшой свитой вышел посмотреть на товары и узнать новости. Внезапно с ладей выскочили спрятанные там варяги. После короткой стычки Аскольд (вместе со своей «тенью») был убит.

Изумленные горожане узнали, что перед ними не купцы, а дружина русов во главе с воеводой Олегом, который приходился каким-то родственником Рюрику и привез с собой из Новгорода Игоря – малолетнего сына Рюрика.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Олег с честью похоронил князя Аскольда. В летописях и былинах есть упоминание об «Аскольдовой могиле», при этом о «Дировой могиле» никаких сведений нет, разумеется, за исключением досужих «сенсаций» желтой прессы.

В пику православным людям «оранжевые» власти Украины в 1993 году отдали церковь «Аскольда-Николая» в Киеве, вблизи которой, по преданию, похоронен князь Аскольд, униатской церкви.

³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам нашествию россов.

³¹ Кривичи – славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

Любопытно, что арабский историк ал-Йа'куба (умер между 897–905) в своей «Книге стран» писал, что «в реку Кордовы [река Гвадалквивир] вошли маджусы³², которых называют руссами, в году 229/843 – 844, и грабили, и жгли, и убивали»³³.

Ряд арабских историков упоминают, что отряд русов состоял на службе у эмира Кордовы. А командовал ими... Аскольд аль-Дир.

Легко реконструировать дальнейшие события. Отслужив эмиру Кордовы, Аскольд аль-Дир южным путем через Византию или северным путем через Балтику и Новгород мог попасть в Киев. Он, судя по всему, занимает город без борьбы. Киевляне признают его своим князем. А вот позже русские летописцы, видимо, из-за какой-то описки в недошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей – Аскольда и Дира.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее predetermined. А Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает «зверь».

Но вот перед нами книга «арабского Геродота» Хасим Ал-Масуди (умер в 956 г.), где говорится: «Эта разновидность славян и другие из них примыкают к востоку и [простираются] с запада. Первый из царей славянских – ал-Дир. У него обширные города и многочисленные земли. Купцы-мусульмане направляются в его столицу с товарами»³⁴.

Так значит, аль-Дир был реальным владетельным князем, а не мифом! Но позвольте, а где Аскольд? Все русские летописи упоминают об Аскольде и Дире только в паре – «шерочка с машерочкой», а у арабов, как видим, или «Аскольд аль Дир», или «аль Дир». Итак, вместе они не встречаются ни у арабов, ни у византийцев.

Советский историк номер один академик Борис Александрович Рыбаков в 1992 г. писал, что византийский император Василий I (867–886) называл Аскольда «прегордым Каганом северных скифов». «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Оскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»³⁵.

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Итак, что же «выпадает в осадок»? Аскольд аль Дир на 99,99 % был одним человеком. Мало того, он не имел никаких родственных связей ни с мифическим Кием, ни с хазарскими князьями. Другой вопрос, что Аскольд мог платить дань хазарам. Во всяком случае, русы, ходившие в походы на Каспий в конце IX – начале X века, отдавали часть награбленной добычи хазарскому князю.

Как видим, без наличия «пути из варяг в греки» было бы невозможно создание Древнерусского государства. Именно дружины варягов и славян, называемые руссами, создали русский народ и Древнерусское государство. Причем центром «кристаллизации» было не одно какое-то место, например, Киев, а параллельно несколько – та же Ладога, Гнёздовское городище под Смоленском, Тимерево городище на Волге, остров Русов на Таманском полуострове и др. Причем варяги и славяне во всех этих центрах в целом ничем не отличались друг от друга. Все они были русы, о чем писали как в русских летописях XI–XII веков, так и в многочисленных свидетельствах современников – арабов, византийцев, франков и др.

³² Маджусами арабы называли язычников, огнепоклонников, а также тех, кто сжигал покойников. Так именовали, например, персов, индусов, русов.

³³ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г., Кирилловой и А.В. Подсинова. Т. III. Восточные источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 38.

³⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников... С. 117.

³⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, М.: Наука, 1993. С. 308.

Глава 5

Герой двух мифологий

В начале XXI века сложилась трагикомическая ситуация. У одной и той же страны Руси-России-СССР оказались две истории, причем взаимоисключающие друг друга. Предатели и мошенники одной стороны являются героями другой. Как, например, Мазепа и Петр Великий, Щорс и Петлюра. Создателем Черноморского флота вместо Потемкина и Ушакова объявлен... гетман Сагайдачный и т. п.

На Украине уже 15 лет ведется война памятников. Одни памятники уничтожаются, другие оскверняются. Причем делается сие как официальными властями, так и частными самостийниками. Дошло до того, что приехавшие из Львова студенты осквернили памятник затопленным кораблям в Севастополе.

Однако есть одна историческая личность, которую два последних десятилетия усиленно превозносят ученые мужи Москвы и Киева. Речь идет о князе Ярославе Мудром. Сразу замечу, что «Мудрым» его не звали ни современники, ни праправнуки. Впервые киевского князя Ярослава Владимировича назвал «Мудрым» придворный историк начала XIX века Николай Михайлович Карамзин, и пошло-поехало...

23 октября 1993 г. в Ярославле в присутствии Президента РФ Б.Н. Ельцина был торжественно открыт памятник Ярославу Мудрому. В Киеве решили не отставать и в 1997 г. открыли свой памятник украинскому князю Ярославу Владимировичу.

На обоих памятниках князь держит в руках макет каких-то построек, за что остряки обоих народов окрестили его «мужиком с тортом». Зато какая разница во внешности князя! Русский князь Ярослав Мудрый – природный русак с классической бородой, как у Александра Невского на картинах Павла Корина. А украинский князь Ярослав Мудрый первоначально тоже был бородатым, но потом его побрили и прилепили лихие казацкие усы. Теперь он прямо просится на картину Василия Сурикова «Запорожцы пишут письма турецкому султану».

Бородатый Ярослав украшает российскую 1000-рублевую купюру, а усатый Ярослав – купюру в 2 гривны.

Зато иерархи Украины оценили Ярослава выше, чем в России. Так, 8 декабря 2005 г. по благословению Московского патриарха Алексия III дата 20 февраля (5 марта) была внесена в месяцеслов как день памяти святого князя Ярослава Мудрого. А в ноябре 2011 г. в Ярославле митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеймон освятил первый храм «в честь князя Ярослава».

Ну а решением Священного Синода Украинской православной церкви от 10 февраля 2011 г. положено совершать празднование святого благоверного князя Ярослава Мудрого 15 (28) июля, в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира.

Итак, и в России, и на Украине попы воздают молитвы, а верующие бьют поклоны бородатому или, соответственно, усатому мудрому князю.

Так кем же был князь Ярослав, сын Владимира Святого? Полное изложение истории Древнерусского государства выходит за рамки нашей работы, но сказать несколько слов о том, что произошло в Киеве после убийства в 882 г. князя Аскольда аль– Дира все-таки придется.

Князь Олег сделал Киев своей столицей. О правлении Олега известно очень мало. Он совершил несколько походов на славянские племена. Где силой, где угрозами он заставил их платить дань Киеву. Начал он в 883 г. с древлян, на следующий год пошел на северян, затем

почти двадцать лет ушло на покорение дулебов, хорватов и тиверцев, но кривичей покорить не удалось.

Князь Олег вошел в нашу историю знаменитым походом на Царьград.

В 907 г. Олег, оставив Игоря в Киеве, отправился в поход на Константинополь. Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников – на судах. Согласно русской летописи, у Олега было 2000 судов, на каждом из которых размещалось по 40 человек. Таким образом, только морем шла восьмидесятитысячная рать. Это, естественно, многократное преувеличение летописца, но бесспорно, что число ратников было очень велико.

В ходе непродолжительной осады Константинополя часть русского войска рассеялась по окрестностям византийской столицы и разорила их. Согласно русской летописи, «много палат разбили и церквей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море».

В конце концов греки пообещали Олегу выплатить огромную контрибуцию – по 12 гривен на весло (по другим сведениям, на корабль).

Обратим внимание на условия договора с греками, они нам еще пригодятся.

«Олег отправил к императору послов – Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще клады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи; Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев – хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях, сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якоря, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи его приняли условия, только с следующими изменениями: русские, пришедшие для дел торговли, не берут месячины; князь должен запретить своим русским грабить села в стране греческой; русские, пришедши в Константинополь, могут жить только у св. Мамы [храм св. Мамы в предместье Константинополя – *А. III.*], император пошлет переписать их имена, и тогда они будут брать свои месячины – сперва киевляне, потом черниговцы, переяславцы и другие; входить в город будут они одними воротами, вместе с чиновником императорским, без оружия, не более 50 человек и пусть торгуют, как им надобно, не платя никаких пошлин»³⁶.

Император Леон (Лев VI, годы правления 886–912) целовал крест в соблюдении договора. Олег и его мужи клялись оружием и славянскими богами Перуном и Велесом. Любопытно, что и в 907 г., и через четыре года, когда послы из Киева приезжали за подтверждением договора, из четырнадцати человек лишь двое имели славянские имена – Велемудр и Стемир, а остальные – скандинавские: Карл, Фарлаф, Рулав, Руальд, Труан и т. д. Но оба раза все послы клялись славянскими богами.

Согласно легенде, именно в этом походе Олег демонстративно прибил свой щит к воротам Константинополя в знак покорения греков его воле.

Как мы знаем из летописей, князю Олегу наследовал сын Игорь. После Игоря правила его жена Ольга, а затем – их сын Святослав.

Тут стоит заметить, что до конца XVIII – начала XIX века никто нигде и никогда не использовал термин «Киевская Русь». В X – XII веках Древнерусское государство именовали просто Русской землей. Ну а введенное через тысячу лет обозначение «Киевская Русь» оказалось очень удобной меткой, поскольку в XIII–XIV веках часто русские земли именовали по названиям главных городов – Рязанская земля, Новгородская земля, Московское государство и т. п.

³⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. I. С. 141–142.

Кстати, антиисторические, но удобные метки постоянно используются современными историками. И я, грешный, иной раз могу написать «древний боярский род». Этот термин справедлив лишь для Господина Великого Новгорода и Юго-западной Руси IX–XIV веков, где звание боярина было наследственным. Ну а для Владимиро-Суздальской Руси и позже Московского государства это сродни «древнему генеральскому роду». Сын боярина при отсутствии способностей мог остаться на всю жизнь стольником, а то и спиться или быть убитым в звании рынды.

Такой же удобной меткой был и термин «Киевская Русь». Однако после 1991 г. «оранжевые» историки стали использовать этот термин для доказательства того, что Правобережье и Левобережье Днепра было каким-то особым государством и помимо Киевской Руси имело второе название – «Украина-Русь». Разумеется, никаких доказательств этому нет, но и без них эти фэнтези попали на страницы школьных и вузовских учебников по истории.

Ну а мы пойдем вперед, к мудрому Ярославу – герою двух мифологий.

У Святослава Игоревича было два сына – Ярополк и Олег – от жены Преславы и сын Владимир от ключницы Малуши. Надо сказать, что у славян в IX–X веках была распространена полигамия, и князья, как правило, имели несколько жен. Бытует мнение, что с принятием христианства полигамия исчезла автоматически. На самом же деле отдельные князья и в XI–XII веках имели параллельно по несколько жен.

Отправляясь в поход в Болгарию, Святослав оставил сына Ярополка княжить вместо себя в Киеве, а Олега назначил наместником в древлянские земли. Малолетний Владимир был послан наместником в далекий Новгород.

После смерти Святослава мир между братьями продолжался недолго. В ходе княжеских свар в 977–980 гг. сыновья Святослава Олег и Ярополк были убиты, а на Киевский стол сел Владимир.

В 981 г. Владимир пошел войной на польские земли. Напомню, что польский князь Мешко I еще в 966 г. принял христианство, но не от греков, а от немцев.

Русские заняли Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты³⁷.

Русские же летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война велась в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967 – 1025 гг.), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Примерно³⁸ в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка.

³⁷ Соловьев С.М. История России... С. 193–194.

³⁸ Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

Еще в начале своего княжения Владимир попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией.

Как гласит «Повесть временных лет»: «И постави кумиры на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голову его серебряную, а ус золотой, и Херса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Макошь».

Таким образом, официальный пантеон состоял из шести богов. Новые идолы были поставлены не в отдалении («на холме»), как стоял Перун во времена князя Игоря, а непосредственно рядом с княжеским дворцовым комплексом, но не внутри его, что замыкало бы богослужение в узком придворном кругу, а «вне двора теремного», в самом центре киевской крепости.

В конце X века Византия переживает трудные времена. Болгария, покоренная после ухода войска Святослава, вновь отпала от империи. В Малой Азии поднял мятеж полководец Варда Фока. К лету 988 г. его войско захватило большую часть Малой Азии. Мятежники заняли высоты вокруг Хрисополя (Скутари) – азиатского предместья Константинополя. Возникла реальная угроза власти императора Василия II. Обстоятельства вынудили василевса³⁹ вновь вспомнить о дружинах киевских князей и искать у Руси помощи.

Далее я предоставляю слово арабскому историку первой половины XI века Яхье Антиохийскому: «И стало опасным дело его (Василия) по причине силы войска и победы [Варды Фоки], истожились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов – а они его враги, – чтобы просить их помочь ему в настоящем положении, и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия после того, как он поставил ему условие, чтобы крестился он и весь народ его страны, а они народ великий... И послал ему царь Василий впоследствии митрополита и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимала его земля, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились на борьбу в Вардой Фокой морем и сушей к Хрисополю. И победили Фоку»⁴⁰.

Рассказ Яхьи очень лаконичен и точен. Действительно, летом 988 г. русский шеститысячный отряд прибыл в Константинополь на помощь Василию II. Через несколько дней русские дружины были десантированы с византийских кораблей на азиатский берег Босфора у Хрисополя. Войска мятежников были разбиты. Затем византийский флот произвел еще один десант на малазийском берегу под Лампсаком. В апреле 989 г. у города Абидоса произошло решающее сражение императорской армии, ядром которой были русские дружины, с войском Варды Фоки. В разгар сражения Варду Фоку хватил апоплексический удар. Смерть вождя и натиск императорской армии привели к полному разгрому мятежников.

Но, получив русскую помощь, Василий II не спешил выполнять соглашение и отправлять сестру в далекий языческий Киев.

Взбешенный киевский князь Владимир решил добиться обещания силой. Весной 989 г. русская флотилия подошла к византийскому городу Херсонесу (Корсуню), который сейчас территориально входит в состав Севастополя. Русские суда вошли в нынешнюю Карантинную бухту и высадили там десант. Однако осада затянулась на несколько месяцев, не принося желаемого результата, так как защитники, стойко оборонявшие крепостные стены, продолжали получать продовольствие с моря, а воду – из городского водопровода.

Согласно русской летописи, однажды один знатный корсунянин Анастас пустил в русский стан Владимира стрелу с прикрепленной запиской: «За тобою, с восточной стороны,

³⁹ Василевс – титул византийского императора.

⁴⁰ Цит. по: Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. С. 73–74.

лежат колодцы, от них вода идет по трубе в город, перекопай и перейми ее». Узнав об этом, Владимир поднял глаза к небу и воскликнул: «Если это сбудется, я крещусь». Это был не первый случай, когда языческий князь принимал христианскую веру при условии победы, которую должен получить с помощью нового божества.

Владимир тотчас же приказал копать напротив трубы, и вода была перенята, что вынуло херсонесцев, изнемогавших от жажды, сдать.

Владимир с дружиной вошел в город и послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем».

Испуганные императоры велели ответить великому князю киевскому: «Не следует христианам отдавать родственниц своих за язычников; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе царство небесное, и с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать сестры своей за тебя». Владимир отвечал на это императорским посланцам: «Скажите царям, что я крещусь; и уже прежде испытал ваш закон, любя мне ваша вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные нами мужи».

Императоры обрадовались и уговорили свою сестру Анну выйти за Владимира, а ему послали сказать: «Крестись, и тогда пошлем к тебе сестру». Но Владимир велел отвечать: «Пусть те священники, которые придут с сестрою вашею, крестят меня». Императоры так и сделали, и послали Анну вместе с несколькими сановниками и пресвитерами.

Сразу замечу, что ряд историков оспаривают эту версию, но, увы, не приводят исчерпывающих доказательств.

Результатом крещения Владимира стало то, что русская церковь попала в полную зависимость от византийской. Правда, хитроумные греки поначалу решили «не перегибать палку», и большая часть попов, присланных на Русь, была не этническими греками, а болгарскими. Есть сведения, что даже первый русский митрополит Михаил, присланный из Константинополя, был этническим болгаром. Однако все последующие митрополиты, присылаемые в Киев, были этническими греками – Иоанн, Феопемпт, Илларион, Ефрем и т. д. Любопытно, что и киевские князья по отношению к церкви решили действовать на византийский манер. Власть князя существенно превышала власть митрополита, как власть императора – власть константинопольского патриарха.

За крещение Руси князь Владимир был причислен к лику святых.

Увы, моральный облик святого братоубийцы был далек от идеала. В «Повести временных лет» о нем четко сказано: «Любил жен и всякий блуд». С.М. Соловьев писал: «Кроме пяти законных жен было у него 300 наложниц в Вышгороде⁴¹, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове».

В русских источниках упоминаются следующие законные жены Владимира: скандинавка Ольга, половецкая Рогнеда, болгарка Мальфреда, чешка Адиль, болгарка Милолика, гречанка Предлава, византийка Анна и даже неизвестная дочь германского императора, на которой он якобы женился после смерти Анны в 1011 году.

Еще более существенно разнится число сыновей любвеобильного князя. Никифоровская летопись, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин называют десять, С.М. Соловьев – одиннадцать, Новгородский и Киевский своды – двенадцать, а родословная Екатерины II – тринадцать сыновей: Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Вячеслава, Мстислава, Станислава, Бориса, Глеба, Судислава, Позвизда, Святополка, Ярослава, Святослава. А в Ипатьевской летописи упоминается еще и Олег.

⁴¹ Вышгород – княжеское село недалеко от Киева.

Тут следует заметить, что помимо славянских имен дети Владимира имели и церковные имена. Так, Святополк был Петром, Ярослав – Георгием (Юрием), Борис – Романом, Глеб – Давидом.

В «Житии Бориса и Глеба» сказано: «Владимир имел 12 сыновей. Старший среди них – Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее этого окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев».

Этот разнобой связан с тем, что отечественные летописи почти полностью замалчивают события на Руси в последние 27 лет правления Владимира (988 – 1015). Казалось бы, все должно быть наоборот. С принятием христианства на Русь приезжают греческие священники и монахи и фиксируют в летописях славные деяния Владимира. Но, увы, об этом периоде историки располагают лишь отрывочными данными иностранцев. Создается впечатление, что кто-то после смерти Владимира уничтожил все, что касалось этих 27 лет, столь важных для нашей истории.

Где-то между 980-м и 986 годом Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 годами умерли своей смертью два старших сына Владимира – Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов, якобы, Борис из Муромы, а на его место – Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму). Полоцк же был оставлен за сыном умершего Изяслава Брячиславом.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой (дочерью польского короля Болеслава) и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыгаться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»⁴².

В немецкой хронике Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца. Известно, по крайней мере, два типа монет, чеканившихся с именем Святополка.

Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел – кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и

⁴² Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

Сразу после смерти Владимира Красное Солнышко на Руси начинаются странные и таинственные события. И при проклятом царизме, и при развитом социализме, и при нынешней демократии наши историки, описывая дальнейшее, опирались исключительно на два древнерусских источника: «Повесть временных лет» и «Сказание о Борисе и Глебе».

Вопрос очень важный, и наберемся терпения, чтобы внимательно прочесть две длинные цитаты. Вот что говорится в «Повести временных лет»: «Когда Борис возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: “Отец у тебя умер”. И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты⁴³. Сказала же ему дружина отцовская: “Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдешь, сядешь в Киеве на отцовском столе”. Он же отвечал: “Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот у меня будет вместо отца”. Услышав это, воины разошлись от него. Остался Борис с несколькими отроками. Между тем Святополк задумал беззаконное дело, воспринял мысль каинову и послал сказать Борису: “Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца”, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: “Преданы ли вы мне всем сердцем?” Отвечали же Путша с вышгородцами: “Согласны головы свои сложить за тебя”. Тогда он сказал им: “Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса”...

...Посланные же пришли на Альту ночью и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню: так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его...»⁴⁴.

Борис молится и поет по очереди шестопсалмие, псалмы, канон и вновь молится.

«И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие из-за шатра, и просунули в него копья и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом»⁴⁵.

А вот версия «Сказания о Борисе и Глебе»: «Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: “Пойди сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках”. Он же им отвечал: “Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого что я как отца”. Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: “Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя!”...

...Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и слышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: “Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня” – и остальные псалмы, до конца...

...И когда слышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: “Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим”...

...И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия и обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: “Да не оставлю тебя, господин мой любимый, – где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь

⁴³ Альта – небольшая речка, приток Трубежа, левого притока Днепра.

⁴⁴ Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990. С. 7.

⁴⁵ Там же.

свою!» Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили...

...Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И, когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался и воспринял неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде, и погребли в земле у церкви святого Василия»⁴⁶.

А тем временем сам Сатана начал подстрекать Святополка на новое преступление – убийство еще одного брата – Глеба Муромского. Святополк отправил гонца в Муром: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб с малой дружиной немедленно отправляется в путь. Вблизи Смоленска его нагнал посланец Ярослава из Новгорода: «Не ходи, – велел сказать ему Ярослав, – отец умер, а брата твоего Святополк убил». Но Глеб почему-то упорно жаждет смерти и тоже безропотно ждет убийц. Естественно, в конце концов и его зарезали.

За это двойное убийство наши историки называли Святополка Окаянным. Ну, убивать братьев потомству Рюрика было не привыкать. Святослав убил родного брата Улеба, а Святой Владимир – Ярополка, так что Святополк лишь продолжил традиции отца и деда, которых, кстати, никто не называл «окаянными».

Другой вопрос – о мотивах убийства Бориса и Глеба. Мы уже знаем, что Владимир вел с Ярополком борьбу за Киев, а фактически – за владение Русью, и убийством брата предотвратил большую войну. Владимир был узурпатор, а Ярополк – законный наследник престола. Оставить его в живых – это постоянно иметь дамоклов меч над головой.

Святополк оказался совсем в другой ситуации. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тмутараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

Я не зря подчеркиваю, что Борис и Глеб были младшими братьями, и им не светил киевский престол в случае гибели Святополка. По закону его должен был занять старший из братьев – Мстислав, Ярослав и т. д. Святополк же начинает свое правление с убийства... двух верных своих союзников. В выигрыше оказались лишь сепаратисты Ярослав и Брячислав, которые из мятежников превратились в мстителей за убиенных братьев. Создается впечатление, что Святополк тронулся головой.

Да и братья Борис и Глеб ведут себя как умалишенные или самоубийцы. С одной стороны, они не пытаются сопротивляться или бежать в Новгород, Полоцк, Тмутаракань или «за бугор», с другой – не пытаются объясниться с братом, рассказать ему, что тот окружен врагами и они его единственные верные вассалы.

К сожалению, наших дореволюционных, советских и демократических историков отличают неумение и нежелание разбираться в сложных и спорных ситуациях и тупая верность навешенным ярлыкам. Приклеили историческим персонажам этикетки «святой», «мудрый», и историки тысячу лет поют им осанну до очередного «высочайшего указания».

Церковь же в 1072 г. канонизировала братьев Бориса и Глеба, они стали первыми русскими святыми.

Култ Бориса и Глеба прижился. На Руси народ любит праздники: атеисты пьют на Пасху, демократы – на 7 ноября и т. п. А для сильных мира сего новые святые стали прямо находкой. Это было мощное идеологическое оружие против любых конкурентов в борьбе за

⁴⁶ Цит. по: Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995. С. 46–49.

власть. Забавно, что события тысячелетней давности используются и сейчас в политических играх. Главы правительств возлагают цветы к памятнику Ярославу Мудрому в Киеве, а бывший секретарь обкома заложил в Москве Храм Бориса и Глеба. Не удивлюсь, если вскоре «чудесным образом» найдутся останки Бориса и Глеба. Их утеряли после взятия Вышгорода татарами в 1240 г. Императрица Елизавета Петровна, а позже Александр I делали безрезультатные попытки найти мощи Бориса и Глеба. Но нет крепостей, которых бы не взяли большевики, хотя бы и бывшие – они могут найти все, что угодно. Нашли же недавно останки московского князя Даниила Александровича, могила которого была утеряна еще в XIV веке, нашли «останки царской семьи». А тут что – слабо?

Глава 6

Варяжская версия древнерусского детектива

Все бы было хорошо, но варяги, служившие у русских князей, имели дурную привычку рассказывать о своих походах скальдам – норманнским сказителям.

В Норвежском государственном архиве среди других древних текстов сохранилась «Сага об Эймунде». Эта рукопись, по мнению специалистов, датируется 1150–1200 годами.

В 1833 г. «Королевское общество северных антикваров» издало в Копенгагене малым тиражом (всего 70 экземпляров) «Сагу об Эймунде» на древнеисландском языке и в латинском переводе. Эймунд – праправнук норвежского короля Харальда Прекрасноволосого и командир отряда варягов, состоявших на службе у Ярослава Мудрого. Естественно, сага заинтересовала русских историков, и профессор Петербургского университета О.И. Сенковский переводит сагу на русский язык. Она привела достопочтенного историка в ужас.

Сага представляет собой незатейливое повествование о походах норвежского конунга Эймунда. Он с дружиной был среди варягов, нанятых Ярославом для борьбы с отцом. Эймунд потребовал у Ярослава (в «Саге...» он фигурировал как Ярислейф) платить каждому конунгу по эйриру серебра (около 30 грамм), а кормчим на кораблях – еще по половине эйрира плюс бесплатное питание. Ярослав начал торговаться, заявил, что денег у него нет. Тогда Эймунд предложил платить бобрами и соболями. На том и порешили.

Детали, приведенные в Саге, свидетельствуют о ее древности и достоверности. С этим согласен даже составитель книги «Древняя Русь в свете зарубежных источников»: «Как видим, практически все упомянутые в договоре Эймунда с Ярицлейвом реалии имеют точные соответствия в практике найма военных отрядов русскими князьями X – начала XI в., как она отражена в летописях. Вкупе с архаичной терминологией это дает основания считать, что описанные условия, на которых Эймунд служил на Руси, отнюдь не являются выдумкой человека, записавшего сагу в “Книге с Плоского острова”, и даже не подробностями, выдуманными рассказчиками истории Эймунда в “век саг”»⁴⁷.

Сага об Эймунде расставляет все точки над «і». Ярослав из-за хлопот с женитьбой и набором наемников сумел выступить в поход из Новгорода лишь в конце лета 1016 года. Борис не ломал комедию с роспуском войска и ожиданием убийц, а, как и положено, встал на сторону старшего брата. Мало того, Борис нанимает отряды печенегов. Вполне возможно, что тут ему помогло его восточное происхождение (по матери).

Борис (в «Саге...» – Бурислейф)⁴⁸ вместе со своей русской дружиной и печенегами идет навстречу войску Ярослава. В ноябре 1016 г. рати сошлись на берегу Днепра в районе города Любеча. Попробуем сравнить описания этой битвы в «Повести временных лет» и в «Саге...».

«Повесть временных лет» рассказывает: «Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же наутро, приготовив дружину свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли в наступление, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили они [воины Свя-

⁴⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 506.

⁴⁸ Интересную мысль высказала историк Фанна Гимберг: все славянские имена оканчивались на – мир или – слав (Ярослейф – Ярослав, Вартилаф – Брячислав), и варяги автоматически удлинители имя Борис – Борислав. Гимберг считает имя Борис не славянским, а тюркским. По мнению автора, могло быть и наоборот – в ходе гражданской войны Борис сам решил славянизировать свое имя и стал Бориславом. Кстати, христианские имена Бориса и Глеба – Роман и Давид.

тополка] на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство»⁴⁹.

Из приведенного текста видно, что войска Ярослава находились в более выгодном положении, у них была возможность переправиться на лодках. Воины же Святополка ступили на лед и начали проваливаться. Им некуда деваться, как будто сама природа зажала их между двух озер и рекой с обманчивым льдом.

А теперь процитирую «Сагу...»: «Дело пошло так, как думал Эймунд, – Бурицлав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что река была посередине; разница по силам была между ними невелика. У Эймунда и всех норманнов были свои шатры; четыре ночи они сидели спокойно – ни те, ни другие не готовились к бою. Тогда сказал Рагнар: “Чего мы ждем и что это значит, что мы сидим спокойно?” Эймунд конунг отвечает: “Нашему конунгу рать наших недругов кажется слишком мала; его замыслы мало чего стоят”. После этого идут они к Ярицлейву конунгу и спрашивают, не собирается ли он начать бой. Конунг отвечает: “Мне кажется, войско у нас подобрано хорошее и большая сила и защита”. Эймунд конунг отвечает: “А мне кажется иначе, господин: когда мы пришли сюда, мне сначала казалось, что мало воинов в каждом шатре и стан только для виду устроен большой, а теперь уже не то – им приходится ставить еще шатры или жить снаружи, а у вас много войска разошлось домой по волостям, и ненадежно оно, господин”. Конунг спросил: “Что же теперь делать?” Эймунд отвечает: “Теперь все гораздо хуже, чем раньше было; сидя здесь, мы упустили победу из рук, но мы, норманны, дело делали: мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением. Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а шатры пусть стоят пустыми, вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою”. Так и было сделано; затрубили к бою, подняли знамена, и обе стороны стали готовиться к битве. Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава и напали на него в открытый щит. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурицлава, и люди его побежали. А Эймунд конунг прошел сквозь его рать и убил там много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления, и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых»⁵⁰.

Попробуем сравнить содержание этих источников. «Повесть временных лет» и «Сага...» удивительно сходятся в деталях битвы у Любеча. Удивительно потому, что компиляция исключена, автор «Повести...» не знал о «Саге...», и наоборот. Есть только небольшое расхождение в дате сражения и принципиальное – в имени противники Ярослава. В «Повести...» это Святополк, а в «Сага...» – Борис-Бурислейф. Святополк в «Саге...» вообще не упомянут. Это и понятно, сага посвящена не гражданской войне на Руси, а действиям отдельного варяжского отряда, который не участвовал в битвах со Святополком.

Есть и еще один источник. Новгородский летописец освещал битву при Любече ближе к тексту «Саги...», уточняя некоторые детали: новгородцы переправляются ночью, обвязывают головы белыми убрусами и побеждают Святополка на рассвете. Но, по мнению новгородского летописца, он бежит к печенегам.

Обратим внимание, согласно «Повести...», Святополк бежит в Польшу, по Новгородской летописи, Святополк бежит к печенегам, и, наконец, «Сага...» утверждает, что Борис (Бурислейф) бежит к печенегам.

Единственным разумным объяснением этого противоречия является вариант, при котором Святополк не участвует в битве у Любеча, а бежал из Киева за помощью к своему тестю

⁴⁹ Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990.

⁵⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994. С. 109.

великому князю Болеславу, Борис же направился к своим друзьям печенегам. Через короткое время, опираясь на союзные войска, братья с запада и с востока атакуют Ярослава. Как видим, все братцы стоят друг друга: один привел варягов, другой – ляхов, третий – печенегов. Любопытно, что русские летописи представляют Святополка вездесущим – то он у поляков, то у печенегов. Что, он летал птицей через войска Ярослава?

Что касается Глеба, то он, по всей вероятности, был на стороне Ярослава, но вскоре был убит своими подданными муромчанами. Из «Повести временных лет» известно, что еще при жизни Владимира Святого муромчане не пускали Глеба в город, а гражданская война совсем развязала им руки. В конце 1016 г. войско Ярослава заняло Киев.

«Сага об Эймунде» частично подтверждается, увы, и другими зарубежными источниками. Современник Владимира Красное Солнышко Титмар, епископ Мерзебурга, оставил нам «Хронику», где довольно подробно описаны события в Польше и на Руси. Позднейшие историки считали его «Хронику» весьма ценным и достоверным источником. Титмар продолжал работать над «Хроникой» до самой смерти, последовавшей 1 декабря 1018 года. Но в рассказе о гражданской войне на Руси он нигде не упоминает о таком ключевом моменте, как убийство Бориса и Глеба. Таким образом, по крайней мере до середины 1018 г. Борис был жив.

Более сложный вопрос с «Польской историей» Яна Длугоша (1415–1480). Он писал о событиях 450-летней давности, опираясь на разные, в том числе и неизвестные нам источники. Согласно Длугошу, Святополк и Борис (!) сразу после смерти князя Владимира «вступают в битву с Ярославом и его народом. И Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегами и варягами, бежит»⁵¹. Правда, дальше Длугош пытается пересказывать версию русских летописцев, что, мол, позже Борис и Святополк поссорились и последний убил Бориса.

Но для нас важно именно начало гражданской войны. Ведь Длугош не придумал ее, а опирался на какие-то документы.

О событиях, происшедших в 1017 году, русские летописи пишут кратко и невнятно. «В год 6526 Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви»⁵². Более загадочного сообщения в летописи нет. Во-первых, это повтор предыдущего сообщения о том, что после победы у Любеча Ярослав пришел в Киев. Во-вторых, совершенно непонятно, почему погорели церкви. Сведения других летописей о большом пожаре в городе, о нападении печенегов не раскрывают картины. Короче говоря, до сих пор причина большого пожара в Киеве неизвестна. Понять эту фразу можно, только если принять во внимание текст «Саги об Эймунде».

Варяги не называют ни город, ни дату, но описывают приготовления города к защите, сообщают о пребывании зимой Бурислейфа в Баярмии и о скором приходе его сюда, то есть туда, где жили в это время Ярослав и Эймунд. Все указывает на то, что это был Киев.

Эймунд занялся укреплением города – велел рубить деревья с ветками и ставить их на крепостные стены, чтобы таким образом создать помехи печенежским стрелам. Вокруг наружной стены Эймунд велел выкопать огромный ров, заполнить его водой и замаскировать ветвями. Местом сражения конунг наметил два городских воротных сооружения. План его был таков: впустить печенегов, привыкших к бою в открытом поле, и перебить их в тесных городских улицах.

Накануне того дня, когда в Киеве ждали нападения врага, Эймунд велел всем женщинам надеть самые лучшие украшения и выйти на стены, как только появятся печенеги. По его замыслу, дорогие украшения и наряды на красивых улыбающихся женщинах должны были усыпить бдительность печенегов и заманить их в город. Так и случилось. Бурислейф

⁵¹ Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 236.

⁵² Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 64.

с дружиной и печенегами, увидев спокойно гуляющих по городским стенам нарядных женщин, устремился к городу. Тут многие попадали в замаскированный ров и погибли.

Бурислейф заметил, что все ворота города закрыты, кроме двух, но к ним не так-то просто было подступиться. Ярислейф и Эймунд заняли оборону – каждый у своих ворот. И началась жестокая битва, шедшая с переменным успехом. В самый ответственный момент Ярислейф был ранен в ногу, и Эймунд поспешил ему на выручку. Но печенеги уже ворвались в город. Они грабили дворцы и церкви, захватывали богатую добычу и поджигали церкви.

Эймунд быстро собрал своих варягов и контратаковал противника, занятого грабежом. Знаменосец Бурислейфа был убит, знамя упало, и печенеги решили, что погиб их предводитель. Началось паническое бегство. Эймунд и его люди преследовали беглецов до самого леса.

Согласно «Повести временных лет», в 1018 г. Святополк вместе с Болеславом ходил из Польши походом на Русь. На самом деле все было несколько иначе. При захвате Киева в 1016 г. в руки Ярослава попала жена его брата Ярополка, дочь великого князя Болеслава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (родился в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, razорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Немч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (Бресту). При этом войско Ярослава прошло через земли древлян, князем которых был его брат Святослав, поставленный там еще Владимиром. Согласно «Повести временных лет», Святослав, узнав о гибели Бориса и Глеба, испугался Святополка и бежал в Венгрию. Святополк Окаянный послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Замечу, о Святославе говорится скорговоркой, нет никаких причитаний, как о Борисе и Глебе.

Летописная версия о гибели Святослава более чем неубедительна. Древлянский князь имел сильную дружину и ряд крепостей, но, испугавшись слухов об убийстве братьев, в панике бежит в Венгрию... Между тем в это время Святополк контролировал лишь район

Киева. На него с ратью шел Ярослав, враждебный нейтралитет (как минимум) держали брат Мстислав Тмутараканский и племянник Брячислав Полоцкий. Так что официальная версия русских и советских историков не имеет логического объяснения.

Если же принять свидетельство «Саги...» и других источников, то убийство Бориса произошло уже после похода войска Ярослава Мудрого, а не Святополка Окаянного (!)⁵³, то и бежать ему пришлось не от слуха о мифическом убийстве Бориса, а от войска Ярослава. Вполне логично, что свирепый братец послал за беглецом погоню, которая настигла его в Карпатах и прикончила.

Итак, пройдя Древлянские земли, Ярослав подошел к Берестью. Город к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начала насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»⁵⁴. По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Буды (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: “Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком”». Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города,

⁵³ О походе войска Святополка Окаянного в земли древлян сведений нет ни в одном источнике.

⁵⁴ Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что великий князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает Золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название “щербец”, так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим «мудрый» Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Святополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники саксонцы, венгры и печенегі отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска поехал в Киев, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых русских денариев с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В «Повести временных лет» говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому королю Олафу I Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом.

Тут русские и советские историки обычно ставят точку. А между тем Ингигерд еще раньше была обещана конунгу Олаву Харальдссону, которого она безумно любила. В сборнике саг «Гнилая кожа» говорилось, что конунг Ярицлейф позвал Ингигерд в свои хоромы на пир и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин, в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и сколько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова, и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу» – и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разницы, чем я могу, как подобает, сказать словами»⁵⁵. И Ингигерд разгневанная ушла.

Возникает резонный вопрос: с какой стати шведский король решил испортить жизнь дочери и отдать ее за нелюбимого человека? А ведь в 1015 г. Ярослав был всего лишь новгородским князем и бунтовщиком... Ларчик открывается просто: Ингигерд получила в качестве свадебного дара Альдейгьюборг (Ладогу). Причем получила не «в кормление», как это было в Московской Руси. Например, вдовая царица Мария Нагая с сыном получили «в кормление» город Углич. Ингигерд получил Ладогу в полное владение. После ее смерти Ладога должна была остаться за ее шведскими наместниками, что, кстати, так и случилось.

Новый тесть отправил Ярославу сильную дружину. Ярослав, по данным «Саги об Эймунде», считал своим основным противником не Святополка, а Бурислейфа, то есть Бориса. И с ним удалось покончить весной 1019 г.⁵⁶ Войско Ярослава двинулось к Киеву. Навстречу ему шел, по русской летописи, Святополк, а по «Саге...» – Бурислейф (Борис). Последний провел несколько месяцев у печенегов и теперь вел печенежскую рать.

Эймунд правильно оценил ситуацию. Даже в случае поражения Борис через какое-то время вновь приведет печенегов. В такой ситуации Эймунд обратился к Ярислейфу: «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит».

Эймунд, его родственник Рагнар и десять варягов переоделись в купеческое платье и двинулись навстречу войску печенегов. Эймунд нашел близ реки Альты на дороге удобную для лагеря полянку. В центре полянки был дуб. По приказу Эймунда варяги нагнули верхушку дуба и привязали к ней систему веревок, примитивную подъемную машину, замаскированную в ветвях. Как и предвидел Эймунд, печенеги остановились именно в этом месте. Под дубом был разбит большой княжеский шатер. В центре шатер поддерживал высокий шест, украшенный сверху золоченым шаром. Ночью шесть варягов остались стеречь лошадей, а остальные во главе с Эймундом направились к шатру. Печенеги были утомлены походом и изрядно выпили перед сном. Варяги беспрепятственно подошли к шатру, накинули на верхушку шеста петлю веревки, связанной с дубом. Веревка, удерживающая согнутую верхушку, была перерублена. Дерево распрямилось, сорвало шатер и отбросило его в сторону. Эймунд бросился к спящему князю, убил его копьем и быстро обезглавил. Прежде чем печенеги опомнились, варяги уже бежали к лошадям.

⁵⁵ Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 510.

⁵⁶ Ряд историков, в том числе Г.М. Филист, говорят об осени 1018 г.

По прибытии в Киев Эймунд принес конунгу Ярислейфу голову Бурислейфа: «На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ты ее узнать? Прикажи же прилично похоронить брата».

Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжело лежащее. Но вы же должны озаботиться и его погребением».

Эймунд решил вернуться за телом Бориса. Как он правильно рассчитал, печенеги ничего толком не поняли и были поражены смертью князя и исчезновением его головы. Ясно, что не обошлось без лукавого. Во всяком случае, они в панике бежали, оставив тело князя на поляне.

Варяги Эймунда обрядили тело князя, приложили к нему голову и похоронили.

После бегства печенежской рати Ярослав овладел Киевом. Святополку пришлось уносить ноги. «И во время бегства напал на него бес, и расслабил суставы его. Он не мог сидеть на коне и несли его на носилках. Принесли его к Берестью, убегая с ним. Он же говорил: “Бегите бегом со мною, гонятся за нами”. Отроки же его посылали посмотреть: “Не гонятся ли кто за ними?” И не было никого, кто бы гнался по их следам, и продолжали бежать с ним... Ему невыносимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти он принял муки окаянного... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит из нее смрад жестокий»⁵⁷.

Почти сразу после убийства Бориса Ярослав перестал платить жалованье отряду Эймунда. То ли жадность обуяла князя, то ли он хотел, чтобы нежелательные свидетели отправились домой или куда-нибудь в Византию. Но варяги – не шахтеры и не учителя, они не выходили на митинги с транспарантами: «Требуем выдать в ноябре зарплату за январь». Эймунд пошел к Ярославу и сказал: «Раз ты не хочешь нам платить, мы сделаем то, чего тебе менее всего хочется – уйдем к Вартилаву конунгу, брату твоему. А теперь будь здоров, господин». Варяги сели на ладьи и поплыли к Полоцку, где им щедро заплатил князь Брячислав (Вартилава).

Внук Владимира Святого Брячислав Изяславич держал нейтралитет в войне Ярослава с братьями. Его больше всего устраивало взаимное истощение сторон. Сам же Брячислав зарился на стратегические волоки на пути «из варяг в греки» в районе Усвята и Витебска, а в перспективе метил и на Киевский престол.

Получив варяжскую дружину, Брячислав осмелел и в 1021 г. взял Новгород. Ярослав собрал войско и двинулся на племянника. Согласно русским летописям, в битве на реке Судомире⁵⁸ полоцкая рать была наголову разбита, а Брячислав бежал в Полоцк. Вскоре Ярослав и Брячислав заключают мир. По его условиям Витебск и Усвят отходят к Брячиславу, как будто бы он победил на Судомире.

В «Саге об Эймунде» эти события изложены совсем по-другому. Битвы на Судомире не было вообще. Дружины Ярослава и Брячислава неделю стояли друг против друга, не начиная сечи. И тут опять решающую роль сыграл «спецназ» Эймунда. Группа варягов во главе с Эймундом ночью похитила жену Ярослава Ингигерд и доставила ее Брячиславу. После этого Ярославу пришлось заключить с племянником унижительный мир. Какая прекрасная тема для беллетриста – ради любимой жены князь отдает два города. Но наша повесть строго документальная, и мы должны верить только фактам, а они заставляют предположить, что Ярослав предпочел бы видеть жену убитой, нежели взятой в заложники. Ингигерд не была

⁵⁷ Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 79.

⁵⁸ Речка Судомы в Порховском уезде Псковской губернии.

русской княгиней-затворницей XIV–XV веков. Наоборот, она была воительницей и дала бы много очков вперед какой-нибудь Жанне д'Арк.

Когда Эймунд уезжал от Ярослава к Брячиславу, Ингигерд пыталась убить конунга, и лишь случайность спасла его. Согласно «Саге...», захват Ингигерд произошел ночью на дороге, по которой она куда-то скакала в сопровождении всего одного дружинника. В схватке под Ингигерд была ранена лошадь.

Мало того, в личном распоряжении Ингигерд с самого начала войны находился большой отряд варягов. В отличие от дружины Эймунда эти варяги вообще не подчинялись Ярославу. Нетрудно догадаться, что в такой ситуации у Ярослава просто не было выбора.

Заклучив мир с племянником (Брячиславом Полоцким), Ярослав Мудрый решил разобратся с еще одним своим братом – Мстиславом Тмутараканским. До этого Мстислав не принимал участия в войнах Ярослава с братьями. То ли он не хотел ввязываться в их свары, то ли его отвлекали непрерывные войны с хазарами, касогами и другими кочевыми племенами.

Летописи представляют нам Мстислава сказочным богатырем и опытным полководцем. Во время войны с касогами их князь богатырь Редедя предложил Мстиславу: «Зачем губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолеешь ты, возьмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею, – возьму все твое». Мстислав убил Редедю и наложил дань на касогов.

Начало войны с Мстиславом было неудачно для Ярослава. В 1023 г. Мстислав осадил Киев, но не смог его взять и обосновался в Чернигове. Ярослав традиционно бежал в Новгород и отправил гонцов в Швецию за помощью. Вскоре из Швеции прибыла миротворческая миссия – конунг Якун Слепой (Одноглазый) с дружиной.

Ярослав и Якун двинулись к Чернигову. Войска братьев сразились у города Листвена (в начале XX века Листвен был селом в 40 км от Чернигова). У Листвена Ярослав решил повторить тактический прием, принесший ему победу у Любеча семь лет назад. В середине войска он поставил свою ударную силу – дружину Якуна, а по краям – славянских дружинников. Но перед ним был не неопытный Борис, а хитрый Мстислав, который, наоборот, свою отборную дружину расположил на флангах, а в центр поставил недавно покоренных северян. Еще до рассвета рать Мстислава атаковала противника. Грозные варяги контратаковали северян и врубались клином в их ряды. Большая часть северян погибла, но остальные упорно сопротивлялись и убили немало варягов.

В это время конница Мстислава легко разбила на флангах Ярославовы дружины, а затем с тыла и флангов обрушилась на варягов. Не берусь судить, слышал ли Мстислав о Ганнибале, но Листвен оказался ничем не хуже Канн. Тут полегла и дружина Ярослава, и почти все варяги. Как сказано в летописи, днем Мстислав объехал поле битвы и сказал: «Как не порадоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела».

Ярослав с Якуном бежали с поля боя. При этом Якун, чтобы не быть узанным, сбросил свое золотое облачение – «луду». Ярослав добежал до Новгорода, а Якун перевел дух аж в Швеции.

После Листвена Мстислав мог легко овладеть и Киевом, и Новгородом, но он поступил благородно, почти как в рыцарских романах. Мстислав отправил грамоту Ярославу: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет та сторона», то есть левый (восточный) берег Днепра. Но Ярослав не решился идти в Киев и держал там своих посадников, а сам жил в Новгороде. Только в 1025 г., собрав большое войско, Ярослав пришел в Киев и у Городца заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

Между 1020 и 1023 годами новгородцы за свою поддержку вытребовали у Ярослава особую грамоту (по другим источникам – «Правду», а говоря современным языком, конституцию). Текст Ярославовой грамоты до нас не дошел, ее уничтожили московские князья. Но из постоянных ссылок на нее в позднейших документах явствует, что грамота содержала налоговые льготы Новгороду, расширение прав народного собрания (вече) по сравнению с другими русскими городами, а также существенные ограничения власти киевского князя и его наместников в Новгороде.

Между тем Ладогой и прилегающей областью от имени княгини Ингигерд стал править ее родич ярл Рёгнвальд. Де-факто и де-юре эта область отпала от Киевской Руси. Рёгнвальд вскоре не только вышел из подчинения Ингигерд, но и сделал свою власть наследственной. После смерти Рёгнвальда Ладогой правил его первый сын Ульв, а затем второй сын Эйлив. Третьего же сына Рёгнвальда Стейнкиля в 1056 г. вызвали из Ладоги в Швецию, где он был избран королем и стал основателем новой шведской династии. Лишь в конце XI века новгородцы сумели выгнать варягов из города Ладоги.

В 1036 г. Ярославу неожиданно крупно повезло – на охоте погиб богатырь Мстислав. У Мстислава был единственный сын Евстафий, но тот умер еще в 1032 г. В связи с этим земли Мстислава мирно отошли к Ярославу. Князь Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым, ввел новый свод законов («Русскую правду»), строил города и церкви и даже выдал дочь Анну за французского короля Генриха I. В 1060 г. Анна овдовела и стала официальной регентшей при своем сыне, малолетнем короле Филиппе I, от имени которого она и правила Францией два года.

Сам Ярослав и его воеводы ходили походом на поляков, литву, в Византию и на чуждую заволочскую (то есть к устью Северной Двины).

В 1030 г. сам Ярослав Мудрый возглавил поход в Эстляндию. Там Ярослав основал город Юрьев. Город получил название в честь Ярослава, который помимо славянского имел и христианское имя Георгий, то есть Юрий. В 1224 г. датчане переименовали город в Дерпт, в 1893 г. император Александр III вернул городу историческое имя Юрьев, но в 1919 г. эстонские националисты переименовали его в Тарту. К концу правления Ярослава большая часть Эстляндии входила в состав Киевского государства.

20 февраля 1054 г. умер Ярослав Мудрый. Два его сына – Илья и Владимир – скончались еще при жизни отца, еще пять сыновей – Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав – были уже в солидном возрасте. Наследовал отцу старший сын Изяслав. Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, то есть всю Северную землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань. Всеволод получил Переяславль, Игорь – Волынь, а Вячеслав – Смоленск. Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле. Теперь почти вся Русь принадлежала детям и многочисленным внукам Ярослава. Все остальные дети и внуки князя Владимира Святого умерли или были убиты.

Исключение представлял Судислав Владимирович, который долгие десятилетия провел в темнице, заключенный туда братом Ярославом. Изяслав Ярославич перевел дядю из тюрьмы в монастырь, где тот и помер в 1063 г. Да еще в Полоцке сидел правнук Владимира князь Всеслав Брючиславич по прозвищу Чародей. В Полоцком княжестве власть стала наследственной – в 1044 г. умер Брючислав, и ему наследовал единственный сын Всеслав.

Ярославовы внуки начали усобицы еще в 1063–1064 гг. Но тут в их дела вмешался полоцкий Чародей, который в 1066 г. захватил Новгород. Тут дети и внуки Ярослава объединились и пошли ратью на обидчика. Им удалось взять штурмом город Минск, население которого было полностью перебито. Но в марте 1067 г. кровопролитная битва на реке Нимиге закончилась вничью. Как сказано в «Слове о полку Игореве»:

У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов...

В июле 1067 г. Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла. Всеслав почему-то поверил им, и не один, а с двумя сыновьями, без надлежащей охраны переплыл на челне Днепр. В ходе переговоров Изяслав приказал схватить Чародея с сыновьями. Вскоре их отправили в Киев и посадили в подземную тюрьму. Все прошло в лучших традициях мудрого Ярослава. Однако полоцких князей спасло появление половецкой орды. Навстречу им вышли три брата Ярославича. В сражении на реке Альте русские потерпели полное поражение.

Поражение переполнило чашу терпения киевлян, которым давно приелось правление мудрого Ярослава и его деток. На киевском торгу собралось вече, которое потребовало у князя Изяслава Ярославовича раздать народу оружие для борьбы с половцами. Князь отказался. Тогда горожане осадили княжеский двор. Братьям Изяславу и Всеволоду Ярославичам ничего не оставалось, как бежать из Киева. Причем Изяслав боялся оставаться в пределах Руси и бежал в Польшу.

Киевляне освободили из тюрьмы полоцкого князя Всеслава Чародея и выбрали его князем киевским. Но усидеть на киевском престоле Всеславу удалось лишь 7 месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву двинулось большое польское войско во главе с великим князем Болеславом II. Вел войско Изяслав Ярославович. Всеслав двинулся навстречу полякам, но у Белгорода, узнав о большом численном превосходстве врага, ушел со своей дружиной в Полоцк.

Киев был вынужден капитулировать перед поляками. В город вошел карательный отряд во главе с Мстиславом — сыном Изяслава Ярославовича. 70 горожан было казнено, несколько сотен — ослеплено. Изяслав вновь оказался на киевском престоле. Однако после этого очередная гражданская война на Руси не только не затихла, но разгорелась с новой силой.

Изяслав с дружиной и поляками двинулся к Полоцку и захватил его. Всеслав Чародей, как всегда, сумел скрыться. Изяслав посадил наместником в Полоцке своего сына Мстислава, а после его смерти, другого сына — Святополка.

Полоцк вернулся под власть Киева всего на четыре года. В 1074 г. Всеслав Чародей навсегда вернул себе Полоцкое княжество, а Святополк позорно бежал.

Тем временем Святослав и Всеволод Ярославичи начали войну за киевский престол со старшим братом Изяславом Ярославичем.

Как видим, Изяслав Ярославич, вернувшись в Киев, сидел на киевском престоле, как на горячих углях. В довершение всего в 1071 г. в Киеве объявились волхвы, открыто проповедовавшие о грядущих вселенских катаклизмах. В такой ситуации экстренно требуется какой-либо крутой пропагандистский трюк.

И вот в 1072 г. Изяслав организует торжественное действо — перенесение останков князей Бориса и Глеба в специально построенный каменный храм в Вышгороде близ Киева. Естественно, что около могил начинают твориться чудесные знамения и исцеления больных.

Любопытно, что в 1050 г., то есть еще при жизни Ярослава Мудрого, его внук, сын Изяслава, был назван Святополком. То есть в 1050 г. об истории Бориса и Глеба никто не помнил или не хотел вспоминать. Как мы помним, варяги убили Бориса тайно, и все они погибли или убыли на родину. За 50 лет в Киеве власть менялась насильственным путем раз двадцать, и у древних стариков в головах неизбежно перепутались многие события. Тем не менее даже из летописи видно, что канонизация прошла не совсем гладко. Так, при перезахоронении

братьев глава русской церкви митрополит Георгий «бе бо нетверу верою к нима», то есть очень сильно сомневался, но «потом пал ниц». Первым внесли в храм Бориса в деревянном гробу, а вот с Глебом, которого несли в каменном гробу, вышла заминка. В летописи сказано: «... уже в дверях остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: “Господи, помилуй”».

Мало того, митрополит Георгий вынул из каменного гроба правую руку Глеба и благословил ею стоявших рядом князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. И только тогда гроб с телом Глеба прошел в церковь.

Интересно, зачем летописцу в краткое описание захоронения включать эту деталь? Может, он хотел эзоповым языком сказать, что у Глеба были серьезные основания не лежать рядом с Борисом?

Возможно, у кого-то возникнет вопрос: а как народ воспринял в 1072 г. такую фальсификацию? Ведь должны же были старики помнить события 54-летней давности? Ну что ж, спросите у пожилых киевлян, кто из них в 1974 г. помнил все перипетии Гражданской войны, когда Киев в 1918–1920 гг. переходил из рук в руки столько же часто, как в 1015–1019 гг. Тем более что в «Саге об Эймунде» несколько раз говорится, что убийства Бориса никто не видел. Ну а кто помнил, того заставили молчать. Не зря же митрополит Георгий упорно не желал канонизировать Бориса.

Ряд церковных и светских авторов пишут, что сразу же после переноса мощей князей состоялась их канонизация. Тем не менее это не так. Первое упоминание о святом Борисе в древнерусских документах встречается после 1117 года. Как сказано в исследовании Н.И. Милютенко, «канонизация состоялась только 2 мая 1115 г., когда мощи святых были перенесены внуками Ярослава в пятиглавый каменный храм. Это подтверждает и месяцеслов Архангельского Евангелия (1092 г.), где тоже нет памяти Бориса и Глеба. Впервые 24 июля упомянуто в Евангелии, переписанном для Мстислава, сына Владимира Мономаха, в начале XII в.»⁵⁹.

Видимо, ежегодное поминание чтимых усопших постепенно превратилось в празднование памяти святых.

До перевода «Саги об Эймунде» на русский язык на нестыковки в летописи никто не обращал внимания. А вот потом наших историков начало буквально трясти. Закончив перевод «Саги...», профессор О.И. Сенковский понял, что ее публикация может кончиться длительным путешествием на Соловки. Тогда он нашел неостроумный, но единственно возможный выход из положения – объявил Бурислейфа Святополком. Царское правительство этот подлог устраивал. А при советской власти шла борьба с норманистской теорией, и все, что связано с варягами, предавалось забвению.

Лишь с началом перестройки полемика об убийцах Бориса и Глеба вновь обострилась. В 1990 г. в Минске выпущена книга Г.М. Филиста: «История “преступлений” Святополка Окаянного» с анализом «Саги...» и других русских и зарубежных источников, доказывающим, что Борис убит Ярославом. В 1994 г. в Москве выходит книга Т.Н. Джаксон «Исландские королевские саги в Восточной Европе». Эта дама, «не углубляясь в полемику», поддерживает версию Сенковского, мол, Бурислейф в «Саге...» надо читать как Святополк, а не как Борис. Понятно, что с такими дамами вести полемику не следует, а лишь стоит задать один риторический вопрос: а зачем писать 250-страничную книгу и посвящать в ней самому интересному и единственному политически злободневному вопросу два абзаца – менее половины страницы?

⁵⁹ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 54.

Официальные же историки заняли в споре нейтральную позицию. С одной стороны, аргументы сторонников «Саги...» более чем убедительны, и оспаривать их при отсутствии официальной цензуры – рисковать подвергнуться всеобщему осмеянию, но и назвать Ярослава убийцей страшно – придется переписывать все учебники и вступать в конфликт с церковью. Поэтому до сих пор школьники зубрят по учебникам: Ярослав – Мудрый, Святополк – Окаянный. Увы, историческим штампам не страшны ни революции, ни смены экономических формаций.

Еще ранее, в 1986 г., А.С. Хорошев в книге «Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)» на странице 23 подробно изложил версию «Сказания о Борисе и Глебе» и «Саги об Эймунде» и ... блестяще уклонился от изложения собственного мнения по данному вопросу. Помните анекдот советского времени: «А вы имеете собственное мнение? – Мнение-то у меня имеется, но я с ним в корне не согласен».

Канонизация Бориса и Глеба не помогла Изяславу Ярославовичу, через несколько месяцев он с сыновьями был вынужден вновь бежать в Польшу. На киевский престол сел его брат Святослав Ярославич. Но усобицы по-прежнему продолжались.

В 1097 г. в город Любеч на Днепре съехались внуки и правнуки Ярослава Мудрого «на устроение мира». После долгих споров князья пришли к соломонову решению: «Пусть каждое племя держит отчину свою». То есть официально было объявлено о распаде единого государства. Произошла констатация сложившегося порядка вещей. Замечу, что Всеволод Чертополох не поехал на Любечский съезд – Полоцк и так принадлежал его династии.

В Любече, «уладившись», князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Но, увы, ничего не изменилось, и вновь начались междоусобные войны. Зато историки получили точку отсчета – Любечский съезд – для нового параграфа в учебнике «Феодальная раздробленность Руси».

Глава 7

Война и мир Рюриковичей и Пястов

К началу XII века Древнерусское государство разделилось на 15 княжеств. Причем Киев и Приднепровские земли постепенно приходят в упадок. Так, с начала XII века по 1167 г. в Киеве сменилось 14 князей, то есть в среднем правление каждого составляло 4,5 года. Помимо княжеских усобиц с конца XI века Южная Русь подвергается интенсивным набегам половцев. Естественно, что русские князья систематически наносят контрудары по половецким землям. Так, тот же Владимир Мономах (1053–1121) провел не менее 20 сражений с половцами. Ну а неудачный поход 1185 года князя Игоря Святославича Северского вошел в историю благодаря «Слову о полку Игореве».

Серьезную угрозу представляли половцы и торговому пути «из варяг в греки». Так, к примеру, в 1168 г. Ростислав Киевский и Глеб Юрьевич Переяславский выходили с дружинами в степи навстречу купеческому каравану, шедшему вверх по Днепру.

Еще до призвания варягов началось заселение славянами (русами) бассейна верхней Волги и междуречья Волги и Оки. К началу XI века уже существуют города Белоозеро, Ростов, Суздаль и др. А в 1108 г. князь Владимир Мономах закладывает на реке Клязьме город Владимир. Ну а в 1132–1135 гг. Ростово-Суздальская земля окончательно утрачивает политические связи с Киевом.

Ну а как складывались отношения русских князей с их западными соседями? Еще князь Ярослав Мудрый останавливал экспансию поляков, так, в 1030 г. он захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи, «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси⁶⁰; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смирницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был синхронизирован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко. Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась отеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и в 1037 г. Польшу охватило восстание смердов. Причем восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, а большинство восставших были язычниками.

⁶⁰ Река к югу от Киева.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши восстанавливается спокойствие, а власть прочно держит в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058). Казимир и Ярослав заключают союз в борьбе против Моислава – бывшего дружинника Мешко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причем войско его идет варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо лена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю.

Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком – сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042–1081 гг., король с 1076 г.) а вместо него на престол был возведен его брат – слабовольный Владислав (Володислав) I Герман (1043–1102).

Как писал С.М. Соловьев: «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области»⁶¹.

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям в 1139 г.) умирает польский король Болеслав III Кривоустный (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статуте Болеслава Кривоустного, изданном в 1138 году. Согласно этому Статуту, Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын – Владислав II (1105–1159) получил Силезию, Мешко (1126–1202 гг.) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статутом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса – дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г.

⁶¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 369.

был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешел следующему по старшинству брату – Болеславу IV Кудрявому.

Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. – ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II – дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. – 1147 г., с 1146 г. великий князь киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобретает Галицкое удельное княжество.

Город Галич возник на месте древнего славянского поселения XIII–IX веков. Точная дата его основания неизвестна. Город впервые упоминается в летописи под 1138 годом.

Город Владимир-Волынский возник также на месте славянского поселения, но позже – в конце X – начале XII века. Около 1157 г. при князе Мстиславе Изяславиче Владимиро-Волынская земля окончательно обособилась от Киева и образовала самостоятельное княжество. В это же время произошло и объединение Галицких земель под властью Владимира Володаревича (ок. 1141 г. – ок. 1153 г.).

После смерти Владимира Володаревича Галицкий стол наследует его 18-летний сын Ярослав Владимирович Осмомысл. Любопытно, что 22 декабря 1158 г. Осмомысл даже на время захватил Киев.

Перед своей смертью в 1187 г. Осмомысл обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. – ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и бабами, по словам летописца, он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и драпанул из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владимиристо-волинский князь Роман Мстиславич (род. после 1149 г. – ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху

выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича – Казимира II Справедливого⁶². После смерти Казимира великим князем был избран его сын – несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника.

В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижает нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой – во Владимир-Волынский.

Тем не менее, союз с Казимировичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Замечу, что теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов Мешко III вроде бы твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласконогому (1161–1231). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца, в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.

С.М. Соловьев писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров – половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: “он стремился на поганых, как лев, – говорит народное

⁶² Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.

поэтическое предание, – сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху”. Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь»⁶³.

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать корни деревьев по новым местам.

Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей – четырехлетнего Даниила и двухлетнего Василько⁶⁴.

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. До кучи набрали еще и половцев. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром, и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир-Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (около 1170–1212 г.). Свое правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее и, уповав на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью, Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велел передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их».

⁶³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 582.

⁶⁴ Даниил Романович (1201–1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила. Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.